

Олег Клинков

Рассказы о Джей-канале

16+

Олег Клинков
Рассказы о Джей-канале

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Клишков О. К.

Рассказы о Джей-канале / О. К. Клишков — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Цикл фантастических рассказов, объединённых идеей взаимодействия людей с некой структурой, как представляется, пронизывающей всю Вселенную (многие думают, что и являющейся этой самой Вселенной). Структуру назвали Джей-каналом (J-каналом), то ли от слова "Join", то ли от слова "Jump".

Содержание

ВЕТЧКА	5
ИСТРЕБИТЕЛЬ	22
ГОСПИТАЛЬ	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

ВЕТОЧКА

*Мы станем сказкой, бредом, беглым сном.
В. Брюсов. "К счастливым"*

– Не знаю, что вам сказали про Тернера, только наверняка все это брехня.

– Вы думаете, мне сказали о Тернере что-нибудь плохое? – спросил Марк.

Хелминский откровенно усмехнулся:

– Вы ведь не поздравительный адрес ему привезли, верно? Или аналитики Управления безопасности теперь занимаются и этим?..

Он отвернулся и некоторое время ожидающе смотрел сквозь громадное окно на посадочное поле.

– А что, – спросил Марк, когда диспетчер вновь повернулся к нему, – о Тернере можно сказать плохое?

Хелминский чуть пожал плечами:

– О каждом можно сказать плохое, разве нет? – он вновь посмотрел в окно.

– И все-таки? – настойчиво спросил Марк.

Диспетчер несколько секунд внимательно смотрел на него, по всей видимости решая, обязан он отвечать или нет, потом заговорил:

– Видите ли, господин... .

– Мельгош, – назвал себя Марк, хотя уже представлялся в начале разговора. – Марк Мельгош.

– А, ну да... Видите ли, господин Мельгош... – начал было Хелминский, но осекся – со стороны посадочного поля докатился низкий гул, и, отвернувшись, диспетчер совсем забыл о Мельгоше, наблюдая за посадкой пары капсул, возникших прямо под тучами в уже темнеющем небе. Говорить из-за гула было невозможно, и Марк тоже посмотрел в окно. Капсулы над полем несколько секунд висели неподвижно, матово отсвечивая в лучах прожекторов, затем совершенно синхронно, словно связанные чем-то невидимым, мягко заскользили вниз и замерли через секунду среди слепящих плешин огромных луж, покрывавших посадочное поле. Из съехавших в сторону люков капсул выбрались пилоты и, согнувшись под изрядным уже дождем, побежали к видневшемуся в дальнем конце поля зданию диспетчерской со стоявшими рядом с ним санитарной и аварийной машинами.

Гул стих. Хелминский вновь повернулся к Мельгошу и некоторое время молчал, видимо вспоминая, о чем шла речь.

– Да. Видите ли... – наконец заговорил он. – У нас тут редко кто остается без отметины за тот год, что летает по контракту. В лучшем случае обгорит не раз и не два, а в худшем... Многие говорят: "зеркала" есть "зеркала". А когда висит над тобой это, начинаешь говорить и думать такое, что в другое время наверняка не сказал бы и не подумал... Короче, Тернер летает в Канале уже полтора года – он продлевает контракт, и за это время никто не видел на нем даже маленького ожога. Кроме последнего случая, понятно...

– Думаете, есть люди, завидующие Тернеру? – спросил Марк.

– Дело не в зависти... – Диспетчер в задумчивости потер правой рукой блестящую от ожога и, должно быть, зябнущую левую. – Затрудняюсь сказать, но это не зависть... Я сам, когда еще летал, несколько раз выводил из Канала горящие капсулы с Тернером, и не могло там внутри ничего уцелеть. Не могло. А Тернер всегда оставался жив. Понимаете, вырезали запекшийся люк, а он сидел там, внутри, как ни в чем не бывало, живехонек. Не просто живехонек – без единого ожога, понимаете! Хоть бы волосы опалил... Он себя не жалел, лез обычно

под самое "зеркало", чтобы уж наверняка ракету пускать. Ну, и... Короче, часто горел. И не сгорал. Как заговоренный... – Хелминский замолчал, словно еще раз обдумывая эту загадку.

– Да, странно... – подождав немного, сказал Марк, чтобы как-то подтолкнуть так удачно разговорившегося и вдруг замолчавшего собеседника.

– То-то и оно, что странно... – кивнул головой диспетчер. – Ну и, понятно, болтают всякое, вроде того, что Тернер душу нечистому продал. Ерунда, конечно, но народ тут разный. С бору по сосенке, всякие есть... Только спроси любого, кого бы он хотел себе в страхующие, обязательно Тернера назвали бы, можете не сомневаться. Если уж не вслух назвали бы, то про себя точно: он из таких передряг горящих выволакивал, что никто другой туда попросту не сунулся бы. А наболтать могут всякое...

– А сами вы что думаете насчет этого... везения Тернера?

– Что думаю?.. – Хелминский помолчал, потом пожал плечами. – Что тут можно думать? Канал есть Канал... Если хотите, люди здесь за год узнают о себе больше, чем за всю жизнь, некоторым этого выше головы... А Канал? Он сам по себе, к одним относится хорошо, к другим – нет, и никто не знает, почему так.

– То есть вы считаете, что Тернеру всегда везло, а на этот раз нет?

– Вроде того... – неожиданно хмуро ответил диспетчер, словно спохватившись, что слишком разговорился.

– Понятно... И последний вопрос, если позволите. Что за человек Тернер, на ваш взгляд?

– Человек?.. Человек как человек. Что в компании не лезет и больше молчит, так тут все со странностями. Одни болтают без умолку, другие молчат... Мне можно идти? – Хелминский поднялся.

Марк понял, что больше ничего не сможет вытянуть из него, тот и так, видимо, считал, что наговорил слишком много. К тому же у него не было уверенности: может Хелминский добавить что-то или будет повторять слышанное Марком уже много раз. Он выключил диктофон и тоже поднялся:

– Да, вы можете идти, – сказал он. – Спасибо за помощь.

Хелминский, не говоря ни слова, повернулся и, подняв воротник потертой летной куртки, быстро вышел из холла. Сквозь отворившуюся дверь донесся шум усилившегося дождя.

Марк подошел к окну. На улице было темно. Лучи дежурных прожекторов, освещавших посадочное поле, расплылись в сплошной пелене дождя. Вдалеке в столбе света от фонаря мелькнула громадная фигура Хелминского, он бежал, высоко поднимая колени, к диспетчерской.

"Словом, замечательный человек Тернер... – подумал Мельгош, вспоминая только что закончившийся разговор. – Интересно, что бы они все сказали, узнав, что Тернер подозревается в убийстве двух человек?.. – Он посмотрел на часы, было без четверти десять. – Можно успеть еще с медиками поговорить..."

Он положил диктофон в сумку и по подземному переходу прошел в госпитальный корпус. Там, в вестибюле, за перегородкой, сидела молоденькая дежурная. У нее было круглое простенькое лицо, короткие волосы, широковатый курносый нос и выдающиеся вперед щеки. Мельгошу неожиданно пришла в голову мысль, что, наверное, так должен выглядеть гладко выбритый и подстриженный леший.

"Надо Белке про это сказку сочинить..." – мимоходом подумал он и попросил девушку позвать кого-нибудь из бригады, принимавшей Тернера, когда тот сторел.

"В сущности, никто не говорит о нем, как о возможном убийце, – думал Марк, устроившись в ожидании на белом больничном стуле возле окна и вспоминая один за другим все сегодняшние разговоры с пилотами и диспетчерами Центра. – Говорили действительно разное,

но... Идти и убивать?.. И потом, какое это все имеет отношение к генетикам? Ведь никто и словом не обмолвился... Впрочем, тут, похоже, не очень-то друг другу в души лезут..."

Минут через пять к Мельгошу подошел высокий сутулый человек в белом халате, с длинными руками, длинным лицом и длинным острым носом.

– Я, собственно, догадываюсь, зачем вы пришли, – сказал он. – Все это есть в рапорте бригады, я его подписал.

– Да, я знаю... Если вы не торопитесь, присядем? – Марк кивнул на стулья. – Я подумал, может быть, еще что-нибудь вспомните, какую-то деталь. Знаете, самые важные мелочи, как правило, всплывают потом. Да и рапорт есть рапорт – форма давит. Если позволите, я включу диктофон.

– Как угодно... – коротко пожал плечами врач. – Что вас конкретно интересует?

– Просто ваши впечатления от того, что произошло.

– Впечатления?.. Впечатления, знаете ли, самые сильные.

– В рапорте сказано, что тело Тернера очень быстро регенерировало...

– Очень быстро – это слишком мягко. Как вам сказать? – Врач помолчал, подыскивая слова. – Было похоже, как если бы тело просто перезаписывалось в воздухе. Знаете, как на экране очень медленного объемного дисплея. Это продолжалось около четырех часов, и за это время тело стало практически нормальным. Нет, какие-то поврежденные участки, остались, конечно, но по сравнению с тем, что было... – он сокрушенно качнул головой.

– А потом все стало обычным?

– Да как сказать... Не совсем. В принципе волевым воздействием человек может ускорять процессы заживления ран на теле, и довольно существенно. При достаточной тренированности, конечно. Но дело в том, что Тернер-то был без сознания...

– Восстановился он, если не ошибаюсь, за два дня?

– Совершенно верно, на третий его выписали. Смысла держать не было – он был совершенно здоров. То есть, как человек – здоров.

– Как человек?.. – Марк быстро взглянул на врача. – А что, могут быть сомнения в том, что он человек?

– В сущности, никаких. Его ведь обследовали, пока он тут лежал, вплоть до молекулярного уровня. Человек как человек. В определенном смысле даже больше человек, чем мы с вами, – врач вскользь усмехнулся. – Во всяком случае, меня никогда так не обследовали... Если бы не те четыре часа... Я хочу, чтобы вы меня правильно поняли, может быть, то, что произошло, – это нормально, даже, возможно, обычное дело, но мне прецедент неизвестен. И никому из нашей бригады тоже...

– У него был довольно своеобразный бред...

– Знаете, при таких обширных поражениях любой бред – обычное дело. Кроме того, полеты в Канале – изрядная нагрузка на мозг.

– Понятно...

"Не густо..." – подумал Марк.

– Еще кого-нибудь из вашей бригады я могу увидеть?

– Сегодня – вряд ли. Все в прошлую ночь дежурили. Я случайно здесь – подменяю.

"Не человек?.. – подумал Мельгош в вагоне подземки по дороге в Управление. – Его несгораемость в Канале может иметь тот же механизм, что сработал в госпитале, – быстрая регенерация: сгорал – восстанавливался, сгорал – восстанавливался... Разница только в скорости, все было быстро, в этот раз что-то не сработало. Может так быть?.. Да, может. Только откуда такой механизм? И почему на этот раз не сработало? Вот в чем, пожалуй, штука... Может, он имеется у всех, а мы его не умеем задействовать? Или не у всех?.. У всех джей-канальщиков? Но не горюч-то только он, о других не слышно... Он ближе всех подлетал к "зеркалам", об этом говорили все – значит, "зеркала"? Может – да, может – нет. Кто знает, что

это вообще такое – "зеркала"? Мы умеем их только сжигать... А они в ответ делают таких, как Тернер?.. Зачем?.. И в любом случае, при чем тут убитые генетики?.. "Зеркала"-то тут явно ни при чем: он тогда еще не летал в Канале..."

В отделе за своим столом сидел Дягилев и что-то быстро писал. Он был в куртке: или только что пришел, или вот-вот собирался уходить.

– Есть что-нибудь новое? – оторвался он от бумаг, когда Мельгош вошел в комнату.

– Пока нет... – Марк положил на стол диктофон, снял плащ и повесил его позади себя в шкаф. – Я еще не слушал записи. А здесь?

Дягилев с готовностью откинулся на спинку стула и устало повел плечами.

– С Тернером все подтвердилось – два убийства на нем, вся "ихнология" "светит". Я запросил ордер на арест, поедем сегодня же брать... – Заметив, что Марк с сомнением качнул головой, бросил на стол ручку и поднялся. – Да знаю я все, Марк, – с легкой досадой сказал он. – И что только два убийства из восьми на нем, и все прочее знаю... – Он прошелся по комнате. – А ты знаешь, что его уже пытались брать, еще тогда? Уже было взяли раз, и брали-то ребята вроде нашего Ходжича, волкодавы, и не должен был Тернер уйти, а ушел. Судя по рапорту, в дырках весь был, а ушел... Он совсем не дурак, этот Тернер, раз столько времени всех за нос водил, наверняка понимает, что произошло. Короче, я в идиотах ходить не люблю, надо брать плотно и как можно быстрее. А причины, следствия, связи – это все потом. Раскрутим...

"И тогда регенерировал, – подумал Марк. – Похоже, регенерировал, а значит, "зеркала" тут ни при чем... А что при чем?"

– Где Тернер сейчас, не знаешь? – спросил он.

– Что значит – не знаешь? – отозвался Дягилев. – Дома у себя сидит. Ходжич со своими его пасет... – Дягилев остановился напротив Марка. – Я хочу, чтобы ты со мной поехал. Посмотришь, как он будет себя вести, квартиру его посмотришь. Опять же – лишний ствол. Но это, разумеется, не главное, главное – мотивы. Марк, дай мне мотивы, я что-то до сих пор, хоть убей, не соображу, для чего ему все это было нужно. Умалишенный, что ли? Так джей-канальщики уверяют, что у них таких не держат.

– Так точно, – кивнул Марк. – Канал душевнобольных просто не принимает.

– Я и говорю, что непонятно. – Дягилев заходил по комнате, разговаривая уже сам с собой. – Мотается по всему свету, южное полушарие, северное... Ну, средства – ладно: джей-канальщик, деньги зашибает...

– Он не был тогда еще джей-канальщиком, – машинально сказал Марк, разбирая кассеты от диктофона и укладывая их в ящик стола.

– Что? – Дягилев недоуменно повернулся к нему.

– Я говорю, Тернер в джей-канальщиках всего полтора года, а последнему убийству на нем – два с половиной... Слушай, ты не знаешь, я заказывал кое-какие материалы по Тернеру у них в Центре. Что-нибудь пришло?

– Черта с два!.. – Дягилев криво усмехнулся и отошел к окну. – У них, вишь ты, все не так просто. Оказывается, когда с этими "зеркальщиками" заключают контракт, в нем специально оговаривается, что компания сведения о них никому не предоставляет... Очень удобно, я подозреваю, что сброда у них там всякого хватает.

– Ну, это ты зря, Паша.

"Черт! Досадно... – подумал Марк. – Дело тормозится... Люди все-таки сжигают "зеркала"... И между прочим, горят сами". Ему почему-то вспомнилась зябнувшая обожженная рука одного из диспетчеров.

– Зря не зря! – раздраженно сказал Дягилев. – Одни деятели создают "зеркала", другие – сжигают, а попутно убивают людей. Так, нет?.. И если с "зеркалами" дело темное, – не ожидая ответа продолжал Дягилев, – то людей они убивают вполне натурально. Хорошо, с этим

Тернером всплыло. А не погори и не воскресни он самым чудесным образом, да не приди в голову какому-то аналитику запустить на него слепой поиск – так бы и летал, спасал человечество!.. – Дягилев, нетерпеливо посмотрев на часы, сказал в сердцах: – Да что они там, в конце-то концов, тянут!..

И вышел.

Марк тоже посмотрел на часы.

"Двенадцати нет, – подумал он, – Оля наверняка еще не легла..."

Он позвонил домой.

– Привет, – сказал он, когда в трубке послышался голос жены. – Я задерживаюсь.

– Это заметно, – бодро отозвалась она.

– Да нет. Еще задерживаюсь. Быть может, до утра. Белка спит?

– Без задних ног.

– Меня сильно ругала?

– Не сильно... Не надо было обещать ребенку.

– Не надо было.

– Ты у себя будешь? Никуда не едете? – без всякого перехода спросила жена, и в голосе ее послышалась обычная тревога.

– Да нет, Оля, я на месте. Бумажная работа. Только срочная, – обычно же соврал Мельгош. – Спи. Целую.

– Целую... – эхом отозвалась жена.

Марк повесил трубку и минуту сидел, совершенно – до тошнотавого ощущения "полного растворения в воздухе" – расслабив тело. Затем сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее произнес про себя "ритуальные" формулы "взрывного выхода" и резко поднялся. Он вытянулся, привстав на носки, замер на мгновение и почувствовал, что сбросил накопившуюся за день усталость.

"Итак, мотивы... – размышлял он, доставая из сейфа пистолет, протирая и осматривая его. – Еще раз. Все убитые – генетики. Все занимались нашумевшей тогда "синхронной мутацией" в геномах некоторых детей. Кому и зачем понадобилось их уничтожить?.. Родителям детей, у которых была обнаружена эта мутация? Вполне вероятно, отношение к этому было сложным, а записей не вели, учитывая щекотливость предмета. То есть убиралась голова, или память... Ну, хорошо, а кто же тогда в этой истории Тернер? На нем два убийства в разных концах света, не могут же у него всюду быть дети... Во всяком случае, не все сразу мутировавшие, совпадение невероятное. Значит, наемный убийца?.. – Марк зарядил две обоймы, сунул пистолет в кобуру под мышкой, поднялся и походил по комнате, привыкая. – Что ж, вариант", – подумал он, понимая, впрочем, что это – за неимением лучшего.

– Готов? – в комнату быстро заглянул Дягилев. – Давай вниз.

...Тернер открыл сразу же, как будто кого-то ждал.

– Входите... – Силуэт его в тусклом прямоугольнике света, легшем на лестничную площадку, развернулся и начал оседать.

Двое оперативников с двух сторон заскочили в дверь, вслед за ним вбежали Дягилев и Мельгош, еще двое остались на лестничной площадке у двери, все было сделано быстро и бесшумно.

Тернер медленно удалялся по узкому, пыльно освещенному коридору.

– Стойте, Тернер! – крикнул Дягилев, останавливаясь на пороге.

Тернер обернулся.

– Вы же все равно войдете в комнату, – спокойно сказал он, не глядя ни на кого – как смотрят в темноту. Подскочившие оперативники схватили его за руки и повернули лицом к двери.

– Я сказал – стойте! – Дягилев подошел вплотную к Тернеру и защелкнул у него на запястьях заранее приготовленные "браслеты".

– Эти штуки хорошо влияют на голову, – он постучал ногтем по тускло отсвечивавшему металлу. – А теперь – вперед! – Затем повернулся к двери и сказал одному из оперативников: – Понятых, Том. И извинись перед людьми.

В комнате, куда Марк вошел вслед за Дягилевым, посередине стоял старый, изрядно обшарпанный стол, возле него стул и рядом раскладушка без подушки и простыни, со скомканным одеялом. Освещалась комната довольно ярко голый, без абажура, лампочкой. На полу, возле кучи мусора валялся куцей веник и совок, как будто хозяина только что оторвали от уборки. Возможно, так оно и было. Все стены в комнате от пола до потолка были заняты стеллажами, на которых плотно друг к другу стояло множество, как показалось Марку, деревянных человеческих фигурок размером с ладонь. В углу комнаты была лесенка-стремянка вроде тех, которыми пользуются библиотекари.

Тернера усадили посередине комнаты на стул.

– Вас не интересует, почему мы здесь? – спросил Дягилев у спокойно смотревшего на него Тернера. Тот молчал. – Вы обвиняетесь в убийстве двух человек. Хотите что-нибудь сказать?

– Нет, – помолчав, покачал головой пилот. – Все верно...

– Вот и хорошо, – Дягилев показал Тернеру ордер на арест. – Мы вынуждены произвести у вас обыск. Будут протесты?

Тернер пожал плечами:

– Как вам угодно.

Он перевел взгляд на Мельгоша, и в этот момент с его лицом что-то произошло. Марку показалось, что лицо пилота на мгновение одеревенело, сделалось глупым, как у дурачка, глядящего на чем-то удивившую его вещь.

– Оружие, боеприпасы в доме есть? – спросил Дягилев, но Тернер словно бы не слышал вопроса.

– Скажите, – с усилием сглотнув, спросил он, обращаясь к Марку, – девочка, с которой вы гуляете в парке, это ваша дочь?

Марк перехватил вопросительный взгляд Дягилева.

"Что за черт?.. – подумал Мельгош. – При чем тут Белка?.."

У него в душе шевельнулось недоброе предчувствие и, видимо, оттого, что он устал за этот долгий день, быстро и уже помимо его воли переросло в нелепую, в сущности, тревогу. Возникла и засверлила мозг мысль о возможных сообщниках Тернера.

– Что с моей дочерью? – грубо спросил Марк.

– А что с ней?

И в голосе, и в глазах Тернера промелькнуло, как показалось Марку, деланное, издевательское беспокойство, и, понимая всю противоестественность возникшего разговора в окружении людей, в этой обстановке, Марк уже не мог остановиться:

– Не валяйте дурака, Тернер! Что с моей дочерью?

Тот непонимающе посмотрел на него.

– Я не знаю... – сказал он, словно спохватившись, и торопливо добавил: – Вы можете позвонить, там, в коридоре, есть телефон...

Марк, и сам уже вспомнивший об этом, выскочил в переднюю, нашел телефон на полочке, прикрепленной к стене, набрал номер, и те минута или полминуты, которые прошли до того, как ему ответили, показались очень долгими.

Потом он услышал напряженный голос жены:

– Марк, ты?

– Да я, Оля, я. Что с Белкой?

– С Белкой?.. – Жена несколько секунд молчала. – А что с Белкой? Спит. Я думала, с тобой что-то.

– Да нет, со мной все в порядке, – сказал Мельгош, сознавая абсурдность и унижительность паники, еще секунду назад почти безраздельно владевшей им. – Я, видимо, до утра. Спи.

Он повесил трубку и прислонился лбом к казавшейся грязной в пыльном свете мало-мощной лампочки, холодной стене коридора.

"ТЬфу ты... – с досадой подумал он. – Как истеричка... Длинные руки! Мерзость... Час назад ведь звонил... Кто я? Мелкая сошка, обыкновенный аналитик... Шишка на ровном месте... Глупо! Глупо!"

Он покосился на оперативника, стоявшего у двери. Тот с каким-то детским сочувственным изумлением смотрел на него.

"Черт!.." – вновь выругался про себя Марк, постоял еще несколько секунд и вошел в комнату.

– Все в порядке, Паша, – сказал он, опережая вопрос Дягилева. Тот еще секунду выжидающе смотрел на него, потом бросил взгляд на Тернера и отвернулся.

Марк отошел к стеллажам.

– Сколько лет вашей дочке? – вдруг спросил за его спиной Тернер. Он по-прежнему, казалось, не замечал никого вокруг.

Марк вновь едва не сорвался.

– Послушайте, Тернер, – он заставил себя говорить спокойно. – Какое вам дело до моей дочери? Мне кажется, вы забываетесь...

Тернер еще некоторое время, словно не понимая или не расслышав, смотрел на него, потом угрюмо отвел глаза.

Марк отошел к стеллажам и принялся рассматривать фигурки, стоявшие на них, не очень, впрочем, внимательно – мысли его все время возвращались к вопросам Тернера о Белке. Он вдруг вспомнил, что раза два или три замечал во время прогулок с Белкой в парке человека в черном комбинезоне джей-каналщика, но там всегда хватало самого разного народа, и он тогда не придавал этому значения. Строго говоря, и сейчас было неясно, имеет ли это отношение к происходящему.

"Я тогда еще не занимался Тернером, – думал Марк, растерянно трогая и передвигая деревянные фигурки. – Дело-то всплыло всего три дня назад... Черт! Теперь Паша начнет доискиваться..."

Мало-помалу фигурки на стеллажах завладели его вниманием. Это были действительно деревянные, вырезанные довольно грубо человеческие фигурки с непропорционально большими головами и короткими туловищами. У некоторых из них были сравнительно подробно проработанные, плотно прижатые к туловищу руки с большими кистями, а у других руки были только намечены, и оттого туловища походили больше на едва обработанные чурки. И вместе с тем, Мельгош с удивлением отметил это, каждая фигурка была непохожа на другие, у каждой из них было свое лицо, свое выражение на этом лице, они были разного размера. Среди них – старики и молодые, мужчины, женщины, дети, подростки. Они стояли рядами, без видимого порядка – "толпой", – лицами к Марку. Он поймал себя на мысли, что здесь стоит и смотрит на него население какой-то фантастической, замолчавшей и одеревеневшей страны...

Марк принес стремянку, медленно поднялся под потолок. На каждой из полок, которые он осматривал, поднимаясь, их было шесть или семь, его не покидало это возникшее несуразное сравнение, он никак не мог отделаться от впечатления, что перед ним действительно люди, и они безмолвно, а потому, казалось, ожидающе смотрят на него.

"Чертовщина... – подумал он, спускаясь вниз. Чтобы сбросить наваждение, он отвернулся от стеллажей и обвел глазами комнату, и тут только заметил на небольшом свободном

участке стены возле двери карандашный рисунок, тоже довольно примитивный и грубый, но Марка неприятно кольнуло неуловимое сходство изображенной на рисунке девочки с Белкой.

"Что за ерунда?.. – он подошел ближе, и сходство исчезло – на стене висел неумелый, плоский набросок. – Мерещится..."

Дягилев подошел к нему, взял за локоть и вывел в коридор.

– Откуда он тебя знает? – спросил он и внимательно посмотрел на Марка.

"Ну вот, началось..."

– Не знаю... – Марк коротко пожал плечами. – Я видел несколько раз во время прогулок с Белкой человека в черной форме. Может, это был Тернер.

– Или кто-то из его компании? – полуутвердительно спросил Дягилев.

– Или кто-то из компании... И еще, я только вот вспомнил: Белка говорила, что к их садику повадился ходить какой-то дядя в черной одежде. Это еще до того, как Тернер погорел.

– И чего хотел?

– Да кто его знает. Белка говорила, стоял, смотрел, как они играют. Воспитательницы, ясное дело, начинали нервничать, тогда он уходил. Один раз даже вызвали полицейского, и после этого дядечка как будто бы больше не появлялся. Что тут за связь, не знаю.

– Ага... – Дягилев пожевал губами, обдумывая слова Марка. – Ладно. А насчет этого как считаешь? – он неопределенно повел рукой.

– Пока трудно сказать... – начал было Марк, но Дягилев перебил его:

– По-моему, он не вполне соображает, что происходит, – сказал он, имея в виду, как понял Мельгош, Тернера. – Нагло вато себя ведет. Он не мог повредиться, когда горел? – Дягилев крутнул пальцем около виска.

– Мог. Горел сильно... ("А лицо совершенно чистое..." – мимоходом отметил Марк.) Но с его горением дело пока темное... Там, в комнате, на полках, стоят фигурки, я могу взять несколько?

– Ну, разумеется, в опись их уже внесли. Занятные фигурки, я мельком посмотрел...

– Занятные... – кивнул Марк.

– Думаешь, что-нибудь значат?

– Не знаю. Пока просто хочу повнимательнее посмотреть. Какая-нибудь ассоциация...

Так я возьму?

– Бери, бери... Пойдем.

Они вернулись в комнату, и Дягилев, остановившись возле одного из стеллажей, принялся выбирать фигурки, переставляя их и рассматривая.

– Господин полицейский решил разжиться игрушками? – вдруг неприязненно спросил Тернер.

Дягилев посмотрел на него через плечо.

– Скромнее, Тернер, скромнее, – сказал он. – Вы ведь как-никак людей убили.

Взгляд Тернера стал тяжелым.

– Да, верно, – медленно выпрямившись, сказал он. – Но мне не в чем перед вами оправдываться. Ни перед вами, ни перед кем.

– Ну, разумеется, – Дягилев снова повернулся к стеллажу. – Вы ведь совершенно спокойно палите из пулемета в своих жену и ребенка. – Он снял с полки одну из фигурок и повертел в руке. – По крайней мере, в воображении – мы записали кусок вашего бреда после аварии... – Он вдруг резко повернулся и в упор посмотрел на пилота: – А может быть, это было на самом деле, Тернер, а?.. – Потом сунул фигурку в руку Марку, буркнул: – Выбери сам... – и отошел к оперативникам, выстукивавшим подоконник.

Марк видел, как Тернер попытался улыбнуться, но не сумел. Лицо его, словно не выдержав тяжести улыбки, опало, голова опустилась, плечи подались вперед, он сгорбился и одере-

венел. Фигура его сделалась... Марк вдруг поймал себя на мысли, что не мог бы сказать "жалкой", скорее – скорбной, и все-таки смотреть на Тернера в этот момент стало неловко.

Марк отвернулся. Он взял наугад несколько фигурок и сунул их вместе с той, что дал ему Дягилев, в сумку.

"Зря так Паша, – подумал он, – ясно ведь, что бред. Впрочем, для Паши это не аргумент... А реакция Тернера интересна – все помнит... Значит, не случайный бред? Что-то устойчивое?.. Паранойя?.."

Он вновь посмотрел на Тернера. Тот по-прежнему сидел сгорбившись, уперев локти сцепленных "браслетами" рук в колени, опустив голову и стеклянно глядя в одну точку.

Когда Марк выходил из комнаты, он услышал за спиной хриплый голос Тернера:

– У вас нет права судить нас... – И Марку показалось, что сказано это было специально для него.

"Нас?.. – машинально отметил про себя Мельгош. – Это о людях из его бреда? Или действительно существует какая-то кучка параноиков?.. Опять следы "зеркал"? "Синхронная мутация", теперь "синхронный бред"?.. Какая-то волна коллективных состояний. Впрочем, было ведь и хуже, когда доказали связь волны помешательств с появлением в Канале "зеркал". А сами "зеркала" появились вместе с началом экспериментов по управлению поведением людей. Тогда толпы начали громить центры, занимавшиеся подобными работами, и даже танки никого не могли остановить... Кстати, у Тернера в бреде тоже, кажется, есть танки... Но Белка? При чем здесь Белка?.. Тернер ведет себя, как... черт его знает, дальний родственник, что ли, после долгой разлуки. "Как дети?" и все такое... Но, черт возьми, почему?.. Зачем он торчал в парке, возле Белкиного садика?.. Впрочем, он ли? Надо поднять документы, по садикау что-то должно сохраниться, раз полицейского вызывали..."

Поднявшись в отдел, он первым делом заказал через "молчуна" в центральном архиве Управления поиск по инциденту у садика Белки, затем снял плащ, повесил его в шкаф, вынул из сумки фигурки, расставил под лампой на столе и в ожидании принялся их рассматривать.

Фигурок оказалось шесть. Были они разного роста... "Высоты... – поймал себя на оговорке Марк. – Разной высоты". Крайней слева стояла фигурка мужчины лет сорока пяти, по крайней мере, так он выглядел. У мужчины было широкое лицо – как и у всех остальных фигурок – с низким морщинистым лбом, острые скулы, крупный нос и тяжелый подбородок. Руки с большими, довольно подробно проработанными кистями он держал по швам, спина была сгорблена, голова и плечи подались вперед. От левого плеча наискосок шла глубокая трещина.

Во всей фигуре мужчины, в его полупоклоне сквозила угодливость раздавленного обстоятельством человека, сумевшего сломать в себе собственное достоинство. Та же угодливость читалась и на его лице. И удивительным образом в той же фигуре, лице и позе, по мере того как Марк разглядывал фигуру, он все явственнее замечал это самое достоинство, загнанное внутрь, спрятанное, но, казалось, не потому, что показывать его было страшно, а как бы неловко – не тот момент. Но, по всей видимости, это чувство и давало человеку способность жить...

"Стоп, стоп... – остановил себя Марк, невольно увлекшийся придумыванием чужой судьбы. – Похоже, сочинительство сказок для Белки даром не проходит... При чем тут "жить"? Кусок дерева..."

Следующая фигурка была ниже первой. По размеру – в сравнении с остальными – это могла быть фигурка пятнадцатилетнего юноши, однако совершенно плоское и круглое лицо его с маленькими, близко сидящими поросычьими глазками имело выражение тупого настороженного безразличия. У него было очень массивное тело, короткая шея с мощным загривком, голова сужалась кверху, оставляя так мало места для мозга, что Марк отнес это за счет неумения человека, вырезавшего фигурку. В общем, перед Марком стоял типичный идиот.

Следующей была фигурка женщины, полураздетой, с отвислой грудью, уже, видимо, немолодой, но смотревшей бесстыдно...

Марк отвлек сигнал "молчуна", пропищавшего готовность. В архиве Управления действительно нашлись материалы, касавшиеся инцидента возле сада Белки. Марк заказал твердую копию рапорта полицейского и принялся быстро рассматривать на экране остальное.

На нем возникло полноватое лицо пожилой женщины. Из надписи внизу экрана следовало, что это нянечка, и Марку даже показалось, что он вспомнил ее – она работала в группе дочери.

– ... Подошла к нему, – говорила женщина, – шугануть хотела, такая злость взяла – стоит и стоит, а что у него на уме?.. В черном весь... Сейчас столько поразвелось всякого... Ну подошла, глаза его увидела, а в них – слезы. Стала и стою. Чего слезы? Может, больной или что? А вот не показалось мне так. Не больной... Так стою я, а он "извините" сказал и пошел, быстро так... Я потом ребятишек порасспрашивала, может, знает кто, да никто не знает.

К этому времени "молчун" выдал копию рапорта, и, погасив экран, Мельгош пробежал листок глазами.

"Так... Действительно, Тернер. Стивен Тернер. По словам опрошенных, порядка не нарушал, за ограду проникнуть не пытался, предметов, запрещенных к ношению, при внешнем осмотре не обнаружено, при задержании вел себя корректно, на вопросы отвечал, но неохотно. Ну, еще бы... Ага, вот. На вопрос, зачем сюда ходит, пояснил: просто так, любит детей. Любит детей... Принятые меры... так, разъяснены мотивы законной тревоги персонала сада, доведено о нежелательности дальнейшего... Ну, и так далее. Ладно, замечательные меры... – подумал Марк. – Что еще? На психиатрическом учете не состоит, в извращениях не замечен. Ранее. Ну, понятно..."

Марк отложил рапорт, поднялся и, распахнув окно, приткнулся к нему.

"Действительно, Тернер... – думал Марк, стоя в струе ночного холодного воздуха. – Но зачем? Любит детей... "Полюблю я детей..." – пришла ему вдруг на ум строка из детского стишка про Бармалея. – Чуть собачья... Но ведь он все время говорит о детях. Где еще? Ну да, в бреду. Точно, о детях есть в записи его бреда в госпитале..."

Он вернулся к столу, отыскал нужную кассету и запустил "молчуна" на воспроизведение. В комнате, перемежаемый редкими паузами, монотонно и слитно, почти все время на одной ноте зазвучал голос:

– ... не может... Бод говорит что переселение уже подготовили и надо послать туда человека два-три чтобы с детишками ничего дурного не случилось я сказал что полечу у меня ведь тут никого не осталось Бод говорит что это неправильное слово полечу будто бы я и тут останусь я не понимаю в этом ничего я знаю только то что Бод не станет врать он и раньше не врал когда все еще хорошо было а теперь и вовсе нельзя никому врать он сказал что машина уже подобрала аналогов и для тебя моя девочка тоже только Бод об этом ничего не сказал это Том сказал он у Бода на машине работает уж он-то точно знает... хорошо что мы тогда записали твою эту генограмму это Бод организовал у детей генограммы писать еще тогда о переселении думал когда только еще первые сообщения появились будто люди ни с того ни с сего трогаться начали и все думали что это просто болезнь такая он и Городок организовал уже когда тронутых много стало Бод и с незараженными придумал чтобы их собрать в Городке и придумать чего-нибудь а вы с мамой уже зараженные были с человечками нельзя вам было сюда потому что если человечки попадут в Городок тогда все... Бод говорит что это все ерунда насчет человечков только мы все равно держать в Городке тронутых не сможем потому что они все что угодно сотворить могут и тогда всему конец и зря тогда собирались не знаю может оно и правда Бод говорит что это очень удачно что на Л-415 на которую мы детишек переселяем жители очень на нас похожи потому что легко аналогов найти и команду записать чтобы вернулись я не понимаю в этом ничего я только знаю что мне лететь туда надо чтобы с детишками

ничего дурного не случилось и там твой аналог будет только Бод ничего об этом не сказал боится наверное что я брошу все и тебя искать стану это Том сказал только он не знает какие у аналога координаты и никто не знает потому что машина Л-415 вслепую ощупывала человек не смог бы даже Бод он говорит что уже послала и Том говорит что послала значит ты уже там девочка моя только это не ты нет больше тебя и мамы нет машина хорошо координаты держит и информацию уже послала... не мог господь допустить чтобы это я вас убил вы ведь сверху лежали значит вас в конце убили а у меня лента кончилась я не стрелял в конце значит не я убил... мы потом после той атаки застрелили Эгга он еще тебе все свистульки вырезал когда еще все хорошо было он не выдержал увидев свою мать там в куче его тогда еще застрелить хотели когда он выбрался за Защиту и сходил к ней к своей матери мы думали что он уже заражен человечками но Бод сказал что никакой он не зараженный а людей у нас и так мало и что вообще насчет этих человечков ерунда он говорит что никаких человечков нет а то бы их давно обнаружили может оно и так только все равно все в человечков верят а иначе как и мы уши ватой затыкаем а то человечки в мозг через уши залазят Эгг когда живой был говорил будто он одного под микроскопом видел и будто они и вправду на людей похожи только головы у них в присосках вроде хоботов он еще говорил что они этими присосками к клеточкам в мозге присасываются и людьми управляют они тогда людей что хочешь могут заставить сделать оно конечно Эггу нельзя особо верить он тогда сам малость тронулся после всего я знаю что он только насчет хоботочков не соврал они этими хоботочками кровь пьют и потому опять погнали людей впереди танков на Городок а в танках тоже зараженные сидели и Батев сидел наверное... Бод его в Городок хотел взять он говорит что трудно будет без Батева оно и правда Батев голова это он как генограммы передавать придумал когда еще незараженный был только он в Городок не захотел идти он там с женой и детишками остался они уже зараженными были с человечками нельзя им было сюда мы потом несколько раз видели его как он по улицам города ходил еду верно искал а потом и сам помешался он верно сам в танке сидел и гнал впереди себя жену и детей они в толпе были мы уже потом видели уже после всего люди ведь не сопротивляются когда у них в головах человечки сидят только они все равно соображают и им было тогда страшно женщинам и детишкам они так кричали что вата не помогала и верно которые в танках тоже кричали только их не было слышно и вы верно кричали девочка моя а я не знал что вы там были а если бы и знал все равно бы стрелял потому что если человечки проберутся в Городок тогда все и всей затее с переселением конец ни одного незараженного не останется а тогда и все непонятно зачем и я стрелял пока лента не кончилась даже ствол стал красным а крик там в долине становился все тише и тише пока вовсе не затих только танки гудели которые не успели поджечь катили по ворочающейся гуде и гудели... потом уже после той атаки мы с Паркером и Эггом летали на вертолете к долине и Эгг помешался когда увидел там свою мать он хотел опустить вертолет потому что она еще двигалась его мать и я пристрелил его и сбросил вниз потому что ему ведь уже все равно было и там же вы с мамой лежали девочка моя у тебя ручка была гусеницей раздавлена а у мамы лица не было видно все лицо ее длинными волосами было прикрыто... вы обе сверху лежали значит не я вас убил не мог Господь допустить чтобы именно я вас убил у меня лента в конце кончилась а возле меня Эгг стрелял может он и убил только ему уже все равно а тогда он стрелял и кричал чтобы и я стрелял он думал что я чистеньким хочу остаться как будто уже можно остаться чистеньким а я ленту не мог найти новую а Паркер сказал что это наказание господне ему виднее он пастор может оно и так только плевал я тогда на Бога если он такое допускает плевал и пусть убирается и не смотрит как мы в своих детей и жен стреляем и в стариков я так и сказал тогда Паркеру и Богом клянусь если бы он опять завел про свое смирение я бы пристрелил его и отправил бы туда к Эггу но он смолчал этот Паркер он притворяется будто верит в Бога он проклинал его еще тогда первый когда атака началась когда убили его сына а может еще и раньше когда нападений еще не было и сын его уже тогда зараженный был Паркер на него только издалека смотреть мог

и бормотал все время что-то а тогда я слышал как он его проклял и нас и все притворяется будто все может идти по-старому хотя знает что все перевернулось еще когда мы выпустили самую первую пулю по толпе во время первой атаки когда убили сына Паркера... Бод говорит что это все ерунда насчет человечков и насчет того что они кровью питаются потому что Защита человечков отфильтровала бы а люди все равно и у нас в Городке трогаются и их потом запирает приходится он говорит что тронутые будто появляться стали после того как многим людям в воду и еду вещества всякие подсыпать стали и гипнотизировали чтобы они делали чего от них хотят и наблюдать за ними стали и будто бы только всего не предусмотреть может оно и так только ведь вам с мамой ничего не давали такого и не гипнотизировали потому я бы такого не разрешил а вы все равно тронулись сперва мама а потом ты...

"Это наверняка отголоски истории с контролем за поведением людей..." – машинально отметил про себя Мельгош.

– Он очень обрадовался, – между тем продолжал голос, – когда я к детишкам лететь согласился только он говорит что это неправильное слово лететь но он все равно рад потому что я спокойный и стреляю хорошо только нам надо будет там на Л-415 подучиться чтобы за генетиками их следить если у них есть а то они докопаться могут и тогда кто его знает что будет...

"Стоп! – Марк остановил запись и прокрутил немного назад. – Вот и генетики..."

– За генетиками их следить если у них есть а то они докопаться могут и тогда кто его знает что будет, – вновь включил он воспроизведение, более внимательно прислушиваясь, – мы-то ее вслепую ощупали и никто даже будто бы не знает где она находится а наших генетиков совсем мало осталось а Боду самому нельзя потому что здесь без Бода конец и нельзя ему этим заниматься еще он сказал что энергии нам там надолго не хватит вся почти энергия на детишек ушла я всего что Бод говорил не понял я знаю только что мы долго там не протянем и они тут не протянут потому что тронутых в Городке все больше и больше становится их уже все время слышно как они запертые кричат... Бод сказал что там у детишек такой приказ записан вроде инстинкта чтобы они обязательно сюда прилетели только когда это будет никому не известно и надо оставить им технику и книги потому те которые останутся будут рыть подземелье и складывать туда что нужно пока нормальными будут и когда нормальных совсем мало останется машину замуруют чтобы никто к ней пробраться не мог а она сама нас поддерживать там будет пока энергии хватит а потом мы исчезнем вроде расплывемся Бод говорит что это будто бы не больно потому что еще неизвестно кому больнее будет..."

Дальше голос, и без того едва различимый, перешел в уже совершенно смятый, булькающий шепот, и Мельгош выключил "молчуна".

"Что разберешь в этой мешанине?.. – Марк поднялся и привычно зашагал между столами. – Ну, допустим, помешанные, это ясно, эксперименты по управлению работой мозга, и это его почему-то беспокоит... Почему? Он один из подопытных? Кто еще именно из таких? Человек-сейф? Зомби?.. Гадание на кофейной гуще... Но ведь не даром же он стал "зеркальщиком" и летает в Канал как одержимый? Черпает силы в сценах массовых помешательств?.. Во всяком случае, дело не в деньгах... А детишки?.. И девочка, к которой он все время обращается... Черт побери их контору с этими обязательствами, хотя бы страну знать, можно было бы по своим каналам... Что-нибудь не так с женой и дочерью, если они, конечно, есть? А если есть, то что? Какое-нибудь несчастье? Может быть, и у девочки нашли эту самую "синхронную мутацию", и он кинулся уничтожать всех, кто мог бы об этом рассказать, то есть генетиков? Но одного, не двух же... Убил одного, а потом придумал эту бредовую историю, чтобы оправдаться перед самим собой, да так в ней и завяз? Достоевщина... И его негорючесть в Канале это в любом случае не объясняет... Случайность?.. А Белка?.. Тоже случайность?.. Почему это все собралось в одном человеке?.."

Марк почувствовал растерянность. Подойдя к окну, постоял некоторое время, глубоко, до головокружения вдыхая холодный воздух, и вдруг замер от пришедшей в голову мысли: "Человек?! – Он попытался отогнать ее, но она, раз возникнув, уже начала свою бесконечную работу в его сознании. Уже ничто не могло ее остановить. – А если... – тягуче подумал Мельгош. – А если только на секунду предположить, допустить, что все в бреду у Тернера – правда. Ну, пусть не все, не может быть такое правдой, пусть только то, что касается детей. Что, если их как-то переделали? Что значит – переделали? И как?.. Может быть, это уже не наши дети? Не совсем наши? Но не было же никакого Городка!.. И человечков!.. И все же... Если только предположить... Но тогда Белка... Моя Белка?!.."

Он кинулся к столу и через "молчуна" быстро отыскал услужливо подсказанную памятью запись.

– Господин Нирс, – экран на секунду показал зал со множеством сидящих, спящих туда-сюда, переговаривающихся людей, высветил лицо седоватого, благообразного человека, сидевшего за столом перед рядом микрофонов. – Господин Нирс, скажите, лишнее звено, это не опасно?

– Что вы имеете в виду? – благообразный человек на экране оттолкнулся от спинки кресла и чуть выпятил нижнюю губу, словно заранее ожидая не очень умного вопроса.

– Я имею в виду здоровье детей.

– Для их здоровья, думаю, нет.

– Вы не могли бы пояснить смысл оговорки?

– Охотно. Я уже говорил сегодня – мы не знаем, что записано на этом звене.

– Вы хотите сказать...

– Я не склонен здесь гадать.

– Господин Нирс, что может означать эта лишняя "веточка" в генной структуре?

– В принципе все, что угодно, – благообразный человек с полубрезгливой нижней губой спокойно смотрел в зал. – Это может быть и случайная мутация, чрезвычайно, правда, маловероятная, это может быть и целенаправленно сформированный участок генной структуры, скажем, в военных либо политических целях.

– Вы полагаете, это возможно?

– Ну, скажем так – в принципе. Есть масса предположений по поводу этого звена, например, вирусное внедрение генов. Существует, скажем, точка зрения, что лишнее звено не что иное, как ответ Джей-канала на наши попытки – как правило, невежественные или недостаточно продуманные – вклинуться в работу мозга. Как известно, с ними связывают появление в Канале таких структур, как "зеркала", и, как следствие, появление все большего числа не вполне нормальных людей. Это звено может быть способно уничтожить нас, так сказать, отсечь нездоровую ткань.

– Можно понимать ваши слова, господин Нирс, так, что дети с лишним звеном – неполноценные, выродки? И в связи с этим, не считаете ли вы более целесообразным тем или иным способом...

Марк погасил экран.

"Слово сказано, – подумал он. – И что толку в последующих уточнениях и разъяснениях того, что имелось в виду. Выродки. Выродки..."

Ему на мгновение показалось, что деревянные фигурки на столе с издевкой смотрят на него, но он подавил вспышку нелепого раздражения.

"С чего я взял, что тут замешана и Белка? – подумал он, заставляя себя рассуждать спокойно. – Откуда Тернеру знать, есть у нее эта "веточка" или нет, ее ведь никогда не проверяли? А может, это ему вовсе и не нужно – знать?.. А мне?.. Мне нужно?.. – он в нерешительности поднялся. Потом вновь сел. – Черт возьми! А мне нужно! Нужно! Надо позвонить Саторе..."

Он набрал номер, подождал, набрал вновь.

Наконец в трубке послышался хриплый со сна голос Тима Саторы.

– Послушай, Тим, – быстро сказал Мельгош, – ты не мог бы сделать пробу на "синхронную мутацию"? Я слышал, делают.

Сатора некоторое время молчал. Уже когда Марк решил: что-то случилось с телефоном, ответил:

– Ты что, рехнулся, Марек? В три часа ночи трезвонишь.

– Очень надо, Тим, – сказал Мельгош.

Сатора с полминуты сопел в трубку, потом уже спокойно сказал:

– Ладно. Так что тебе нужно?

– Ты что, издеваешься? – вспылл Марк, но заставил себя успокоиться. – Мне нужно, чтобы ты сделал пробу на "синхронную мутацию". Помнишь историю с детьми?

– Ну, помню.

– Так это можно сделать или нет?

– Можно. Кому-нибудь из твоих подопечных?

– Каких подопечных? Я не занимаюсь детьми.

– Ну, почему детьми, – миролюбиво сказал Сатора. – Первого из них, если не ошибаюсь, обнаружили более семи лет назад, было ему тогда что-то около тринадцати, так что вполне может сойти за твоего клиента, при соответствующих наклонностях, ясное дело.

– Ну, понятно, – Марк помолчал. – Не подопечным. Белке...

– Белке? – переспросил Сатора и тоже некоторое время молчал, даже пропало его обычное сопение. – Тебе надо прямо сейчас?

– Нет, конечно, – Марк посмотрел на часы – было половина четвертого. – Белка, должно быть, спит. Утром.

– Хорошо. В восемь в лаборатории. Ты что, не из дому звонишь?

– Нет. С работы. Эта проба... это долго?

– Да нет. Раньше было долго и дорого, собственно поэтому массового обследования так и не провели, да и...

– Больно? – перебил его Марк.

– Нет.

– Хорошо.

"А если бы было больно?.." – подумал Марк и не смог ответить...

"...Что мне в этом, – думал Марк, сидя на диване возле двери лаборатории в ожидании результата. – Чего я хочу? Ну, разумеется, чтобы ничего не было. А если будет? Что это значит? Что Белка уже не моя дочь? Но ведь это моя Белка. Моя?.. – Он покосился на дочку, сидевшую неподалеку за цветным дисплеем. Она, высунув от усердия кончик язычка, рисовала на экране что-то совершенно невообразимой окраски. Мельгош хотел по привычке сказать: "Язык откусишь", но что-то удержало его. – Хорошо, что Тим занял ее, – подумал он вместо этого. – А если бы она липла ко мне? Я что, уже не смогу ее так же любить... Или некоторое время еще не смогу любить? Что за бредятина в голову лезет? Чего я боюсь? Что теперь уже не смогу предсказать ее действия? А раньше мог? Можно вообще знать даже истинных своих детей? Что значит – истинных? Кто я ей тогда? Отец, удочеривший своего собственного ребенка? Чушь какая-то... Но ведь не выродки же они, в самом-то деле. Не выродки".

Из-за двери выглянул Сатора:

– Марек, зайди.

– Ну что? – спросил Марек, войдя и закрыв за собой дверь.

– Садись, – Сатора кивнул на место за столом, стоявшим посередине лаборатории, сел сам и разлил в чашки кофе из стеклянного кофейника, гревшегося на плите. – Садись, садись. А то я с твоей пробой и позавтракать не успел.

– Так что с Белкой? – перебил его Мельгош. – Чего ты тянешь?

– Мне показалось, что ты будешь нервничать. – Сатора, не глядя на Мельгоша, отпил несколько глотков. Потом поднял глаза. – Так вот. У Белки есть эта самая "веточка". Садись.

У Марка словно все оборвалось внутри. Он медленно опустился на стул и несколько секунд просидел совершенно глухим и пустым, затем посмотрел на Сатору, тот спокойно прилеживал кофе, глядя в какие-то записи, лежавшие у него под локтем.

– И что теперь, Тим? – сглотнув ставшую вдруг вязкой слюну, спросил Мельгош.

– А что теперь? – Сатора оторвал взгляд от бумаг. – Ничего теперь. Насколько мне известно, выявлено около пятидесяти детишек с такими звеньями, я думаю, что это еще не все. Живут они, как сообщалось, нормально, в среднем даже более здоровы, чем прочие, хотя тут определенно сказать трудно – слишком мала выборка, но, во всяком случае, ни о каких аномалиях я не слышал. То же самое касается и интеллектуального и физического развития. А кроме того, такие же, в принципе, звенья есть у всех нас, только на более ранних уровнях структуры. У Белки твоей, стало быть, два...

– У всех есть? И что это значит?

– Ну, насколько я могу судить, примерно следующее. Когда-то, точно сказать, когда – трудно, такое же звено возникло у какого-то числа людей, по какой причине – опять же затрудняюсь сказать, а потом разошлось между всеми. И, как видишь, живем...

– Значит, у всех?.. – Мельгош помолчал, пытаясь уложить услышанное в голове. – Почему же до сих пор молчали об этом?

Сатора, вновь принявшийся за кофе, покосился на него.

– Бог с тобой, Марек, – сказал он, – это публиковалось, где угодно. Скажи, это могло тебя просто мало интересовать.

В комнату просунулась голова Белки:

– Пап, ну скоро ты?

– Скоро, Белка, скоро, – ответил за Марка Сатора. – Потерпи. Ты цветок мне нарисовала?

– Нарисовала. Я там вам оставлю, ладно?

– Ладно. Я обязательно посмотрю. А теперь посиди еще немного.

Белкина голова исчезла.

"Так это был цветок", – совершенно неожиданно для самого себя подумал Мельгош, вспомнив, как рисовала Белка на дисплее. Слова Саторы о том, что "веточка" есть у всех, и, следовательно, все это в том или ином виде уже было, почему-то успокоили Марка.

– Слушай, Тим, – спросил он, – а вообще, в принципе можно как-то на расстоянии... ну, навести, что ли, такую мутацию? Что-то такое говорили.

– Говорили, – Сатора поставил на стол пустую чашку, с хрустом потянулся и зевнул. – Все твои ночные звонки... А насчет "возможно ли в принципе", то в принципе – возможно. Скажем так, каждая генная структура – некий бугорок в информационном поле Вселенной, видимо, можно как-то нащупать его и изменить. В принципе, конечно. – Сатора встал и пружинисто прошелся по лаборатории, сплетя пальцы на затылке. – В этом вся прелесть этого оборота – "в принципе". Можно – принципиально – вообще создать новый информационный бугорок, тем более сейчас, когда нам известна такая штука, как Джей-канал. Ведь все мы, в сущности, примерно такого же сорта бугорки, стабилизированные Каналом... Понятно, что искусственное насыпание такого бугорка изнасиловало бы Канал и сожрало уйму энергии, с этим никто не спорит, но почему бы и нет, была бы подходящая лопатка для этого. У тебя нет? А то у нас таких любителей порассуждать "в принципе" поразвелось хоть пруд пруди, а лопаток нет... И потом, я предпочитаю естественный путь насыпания бугорков.

– Ты о чем?

– Ты что, не в курсе, откуда берутся дети?

– Ну, Тим, тебя понесло... – облегченно улыбнулся Марк. Беззаботность трепа Саторы передавалась и ему.

Когда они спустились с Белкой по лестнице, обернувшись, Марк перехватил озабоченный взгляд Саторы, брошенный в спину Белке. Однако маятник его состояния качнулся, и его уже ничто не могло двинуть назад. Навалившееся почти непреодолимое желание спать вместе с мыслью о том, что вот сейчас можно будет, вернувшись домой, вымыться под душем, лечь и выспаться, рождало предвкушение легкости, блаженной взвешенности.

Они шли через парк по влажной от недавнего дождя аллее. Белка бегала впереди от одного опавшего платанового листа к другому, и желто-оранжевый букет в ее руке все рос и рос.

Марком овладело туповатое безразличие. Ни одной мысли – кроме прийти и лечь – уже не умещалось в его голове и все прочие легко скользили мимо сознания, лишь слегка касаясь его. Он шел, с удовольствием глядя на все вокруг и ничего не замечая. У него не было ни сил, ни желания осмысливать сейчас что бы то ни было. Только один раз его кольнула тревожная мысль, и он, быстро обернувшись, огляделся, но кругом было пусто, лишь где-то вдалеке аллею перебежала поджарая собака.

"Глупо... – вяло подумал Марк. – Просто глупо..."

– Пап, а пап, – к нему подбежала Белка. – Давай поиграем в листья.

– Листья?.. ("Листья, листья... – повторил он про себя, с трудом соображая, о чем говорит Белка. – А, ну да, листья".)

– Хорошо, – спорить с Белкой было бесполезно, да Мельгошу и не хотелось. ("Хорошо, хоть не небылицу сочинять, – подумал он, – а то бы я сейчас, пожалуй, насочинял...") Он помнил такое большое количество загадок и всего прочего, что выполнить Белкин заказ было нетрудно. Марк прочел первое, что пришло в голову:

Скок-поскок, лежит листок,
Край – над речкою мосток,
Спинка – бархат, брюшко – лед.
Что за листик, кто поймет?

– А-а, – закричала Белка, – хитренький. Ты уже загадывал это. Это про магнолию. Что-нибудь новенькое.

– Новенькое? Да я тебе уже все про листья загадал.

Белка потешно, по-женски, поджав губы, секунду подумала.

– Тогда что-нибудь не про листья, – наконец решила она.

– Не про листья?.. – Марк немного помолчал, вспоминая, и вновь память вынесла то, что требовалось. – Ладно, хорошо. Только эта загадка длинная, слушай внимательно.

Белкины глаза широко раскрылись.

Что за чудо, скажешь сразу?
Две руки, четыре глаза,
Пара ртов, четыре уха,
Ног шестерка, снизу брюхо,
А бывает брюха два.
Плечи, сверху голова.
Без рогов, с одним хвостом
И бежит при всем при том.

Белкино лицо несколько секунд оставалось озадаченным, потом сложилось в брезгливую гримаску.

– Фу, – сердито сказала она, – чудище какое-то. Противное. Не хочу сегодня твои загадки слушать.

– Почему – чудище? – У Марка хватило эмоций даже слегка обидеться – эту загадку сочинил он сам. – Это просто всадник на лошади...

Но Белка уже не слышала его, легко, словно мячик, подпрыгивая, она бежала впереди...

– Мама, мама! – закричала она, как только они вошли в квартиру, и бросилась к матери. – Смотри, сколько листиков я набрала, всю группу можно украсить! Они все мокрые! А папа про чудище противное загадку загадывал...

– Ну, хорошо, хорошо. – Жена, расстегивая Белке плащик, повернулась к Марку: – Тебе звонили с работы.

"Фу ты, черт!" – с досадой подумал Марк.

– Давно?

– Минут пять. Просили, как появишься, чтобы позвонил. Ну, чудище, пошли завтракать, а то в садик опоздаем, – говорила она уже Белке, подталкивая её к кухне.

У двери жена обернулась и вопросительно посмотрела на Марка.

– Потом расскажу, Оля, – Мельгош набрал номер Управления.

Дягилев отозвался сразу:

– Ты, Марк?

– Да.

– Давай сюда срочно.

– А что стряслось?

– Да стряслось, – Дягилев некоторое время сопел в трубку. – Эти уроды из следственного изолятора упустили-таки Тернера.

– Как – упустили?

– Да так. Плетут невесть что. Вроде того, что он просто расплылся в воздухе. Как фантом эдакий, знаешь, сизым облачком. Пальбу подняли...

Дягилев еще что-то говорил, но Марк не слушал его.

"Расплылся... – отрешенно подумал он. – Ведь говорил в бреду что-то такое. Ну да, когда энергия кончится... Именно расплылся... Боже мой... Белка чужая?.. – Ему даже в голову не пришло усомниться в том, что он услышал, всё как-то вдруг улеглось, естественно и легко, помимо и против его воли. – Белка – чудище?.. Но ведь Тим говорил, что это у всех нас... Ну да. Мы все?.. Чудища... Чу-ди-ща?.."

Из кухни донесся звонкий, рассыпающийся горстью бисеринок по мраморному полу, Белкин смех...

ИСТРЕБИТЕЛЬ

Сверху, с седловины, нависавшей над вертолетной площадкой, скатился вязкий бархатистый гул.

– Что это? – спросил Кобцев.

Сергей прислушался.

– Наверно, какой-нибудь ледник трещит. Разогревается после ночи.

Они подошли к краю круто обрывающейся площадки и остановились, опершись о перила.

– Пятно, Арсений Никитич? – спросил Сергей.

– Да. Восьмое щупальце. Где-то в районе третьего-четвертого сегмента. Точнее трудно сказать, это щупальце только начали осваивать.

Сергей помолчал, обдумывая слова Кобцева.

– Понятно, – сказал он через несколько секунд. – Есть какие-то особенности?

– Как сказать... – не сразу ответил Кобцев. – Помнишь, в прошлый раз я говорил, что обнаружен труп в комбине зоне истребителя? Так вот, за последний месяц нашли еще двоих, тоже истребители, одного у нас, под Воронежем, другого в Австралии. Убиты тоже выстрелами в спину и, как показала экспертиза, из одного и того же оружия, похоже, карабина калибра семь-пятьдесят две. Если, конечно, не какая-нибудь экзотика. Вот. А самое главное, экспертиза показала, что убиты эти двое были практически одновременно, в нашем времени, разумеется, во времени Реальности. Сам понимаешь, выстрелить из одного и того же оружия одновременно в двух разных местах Реальности невозможно. А истребители парами не ходят.

Кобцев вдруг замолчал и словно забыл о Сергее, уйдя в собственные мысли.

– И что? – спросил Сергей, подождав с минуту. – К чему вы это, Арсений Никитич?

– Мы у себя уже по-всякому прикидывали, – заговорил Кобцев так, как будто не останавливался, – и выходит, что все это, хотя бы в принципе, можно объяснить, если допустить, что где-то есть обитаемая "ловушка". Если помнишь, такие решения для модели получали.

– Туннельный эффект?.. – не очень уверенно спросил Сергей.

– Совершенно верно. Кто-то случайно попал в "ловушку" и может убивать истребителей, а трупы выгаликивать наружу.

– Зачем убивать-то?

– Ну, например, чтобы самому остаться жить.

– Там, в "ловушке"?

– А что? Скажем, вернуться в Реальность он не может – слишком больно, а "ловушку" структурировал он сам и, следовательно, худо-бедно может там существовать.

– Не знаю... – с сомнением качнул головой Сергей. – Уж очень... Как минимум он должен знать о свойствах "ловушек". По крайней мере, то, что они исчезают при выходе из них и, значит, истребители ему опасны. Но тогда зачем выгаликивать трупы? Они ведь тоже информацию из "ловушки" выносят. И потом...

– погоди, Сережа, – остановил его Кобцев, – вопросов действительно много, кто спорит. В конце концов, и модель с "ловушками" вовсе не единственная. Надо просто иметь в виду то, что я сказал.

– Вы думаете, это может быть как-то связано с новым Пятном?

– Может... – Кобцев помолчал. – Видишь ли, туда уже ходил истребитель. Погиб на входе.

– Где-нибудь наследил?

– Наследил. И... В общем, оставил письмо.

– Письмо? – удивленно переспросил Сергей.

– Да. И, понимаешь, информативность письма такая – мы посчитали ее, – что он по-прежнему мог сравнительно легко входить в пустые "ловушки", но непременно погиб бы при

встрече с обитаемой. Очень тщательное письмо, он очень точно повысил свой информационный вес в Реальности. Намеренно повысил... Если, конечно, мы чего-то не путаем, – добавил Кобцев, помедлив.

– Намеренно?.. – Сергей выпрямился. – Погодите, Арсений Никитич, я что-то не соображу. Даже если верна модель "ловушки", какая разница, обитаемая она или необитаемая? Реальность-то та же.

– Все верно, Сережа. Реальность та же, – Кобцев словно бы не заметил напряженного движения Сергея. Несколько секунд он молча рассматривал строения древнего тибетского монастыря на противоположном пологом склоне ложины. – Реальность-то та же, – повторил он, – инерции у "ловушек" разные. При входе в обитаемую приходится преодолевать не только инерцию Реальности, но и инерцию собственной структуры "ловушки", ты-то должен в неё вписаться. Инерция эта, понятно, не бог весть какая, но ее хватает, чтобы возникла вилка.

– Вот как?.. – Сергей помолчал. – Но погибнуть-то он мог и по любой другой причине, верно? А если там вообще не "ловушка", а, скажем, "мешок", или "зеркало", или еще что-нибудь – моделей-то много?

– Много... – Кобцев быстро взглянул на Сергея и отвернулся. – Мы пересчитали на всякий случай твой информационный вес, ты должен войти в любом случае. Если, конечно, не наследил.

– Да не должен был, – отозвался Сергей, – здесь никого не бывает.

– Ну да... – рассеянно кивнул Кобцев и медленно, как будто видел впервые, и, как показалось Сергею, неприязненно обвел глазами порозовевшие от утреннего солнца горы, громадные и оттого казавшиеся стоящими совсем рядом. – Тоскливо, наверное, одному, Сережа?.. – неожиданно спросил он.

Сергей внимательно посмотрел на него.

– Что стряслось, Арсений Никитич?

– А что? – Кобцев, словно очнувшись, поднял на него глаза.

– Ничего, просто раньше вы не говорили о посторонних вещах.

– Вот ты о чем?.. Все нормально, я лишнего не спрошу, – Кобцев выпрямился, словно подводя итог разговору. – Вот. Вроде бы ничего не забыл... С джей-каналщиками договорено, полётов в восьмом не будет три дня, так что располагай временем сам. Стартовать будешь с базы в Гоби. Вопросы какие-нибудь ко мне есть?

– Да нет, все понятно.

– Что ж, хорошо...

Сергей проводил Кобцева к вертолету, и вскоре серебристая "стрекоза", взмыв вверх и блеснув в вышине розовым, скрылась среди гор...

...Сергей вел "осу" вдоль осевой шупальца. Капсула плавно набирала ход, однако, в районе пятисот тэраджоулей скорость набора энергии резко упала.

У Сергея начали неметь пальцы, и почти сразу же вслед за этим посреди кабины прямо перед его лицом появилось молочное пятно. Едва заметное и небольшое вначале, оно с каждой секундой росло, растягиваясь к стенкам кабины, и становилось все более плотным, пока совершенно не скрыло центральный пульт и экран обзора.

Сергей чувствовал, как по телу его медленно растекается ватная полунемота. Ему показалось, что капсула остановилась совсем. За мутной кисеей пятна начало угадываться согласованное движение каких-то неясных теней. Монотонное кружение их завораживало, и через минуту Сергей уже не видел ничего вокруг, кроме этого все убыстряющегося танца. Мозг его словно раскалился и пульсировал, как будто в поисках выхода.

С усилием подняв руку, Сергей принялся массировать лоб, область "третьего глаза". Обычно приносившее облегчение, сейчас это не помогло, боль прямо в центре мозга все усиливалась.

И вдруг сознание Сергея как будто пролилось внутрь молчавшего тела несколькими извивающимися струями и собралось в кончиках пальцев рук и ног. И почти тут же исчезло, пропало, возникнув через мгновение вновь в мозгу. И снова пролилось. Так продолжалось раз за разом в такт кружению теней в пятне.

Само пятно постепенно светлело, поверхность его стала голубовато-хрустальной, и из глубины его всплыла, покачиваясь, уродливая маска – лицо Сергея, искаженное гримасой.

Боль в мозгу стала невыносимой.

Сергей был почти в беспамятстве, когда сработала автоматика капсулы, вытолкнув его внутрь пятна. Он почувствовал короткий удар в голову и – наконец – потерял сознание...

...Он пришел в себя от того, что кто-то тянул его за воротник. Первым, что он увидел, открыв глаза, были его собственные ноги, они тащились по черной воде, подернутой желто-зеленой ряской. Тела Сергей не ощущал. Подняв голову, он увидел над собой напряженно задранный вверх узкий подбородок над острым, дергающимся кадыком.

Человек, тащивший Сергея, хрипло дышал.

Заметив, что Сергей открыл глаза, незнакомец остановился, переводя дыхание, и Сергей успел рассмотреть его. У него было худое бледное лицо, длинные свалывшиеся волосы, щеки, покрытые такой же, как на подбородке, редкой рыжеватой щетиной, и большие навывкате темные глаза с красноватыми припухшими веками.

Отдышавшись, человек сказал:

– Извините, что так бесцеремонно – вы весь в слизи.

Только теперь, вновь посмотрев на свое тело, Сергей увидел, что почти весь, с ног по грудь, покрыт тонкой пленкой черной, маслянисто отливающей слизи. Слизь медленно, но заметно поднималась вверх, к плечам. Сергей невольно дернул головой.

– Не волнуйтесь, успеем, – сказал длинноволосый человек, заметив это его движение, и вновь ухватив обеими руками Сергея за воротник, потащил дальше.

Вскоре они выбрались на сухой берег.

Человек уложил Сергея на землю, сорвал с росшего неподалеку куста охапку листьев и принялся с силой оттирать ими одежду Сергея от слизи.

Когда он добрался до ног, то, на секунду остановившись, сокрушенно качнул головой:

– Плохо...

Приподняв голову, Сергей увидел, что штанина на правой его ноге порвана, и слизь проникла под комбинезон.

– Придется потерпеть, – сказал человек и, разорвав штанину еще больше, почти исступленно принялся тереть ногу Сергея листьями. Сергей ничего не чувствовал.

Через минуту обнажилась огромная – во всю голень – кровотокающая ссадина, словно кто-то прошелся по ноге крупным наждаком.

Незнакомец вновь покачал головой.

– Плохо. Плохо... – пробормотал он и огляделся вокруг, видимо, в поисках чего-то, но не найдя того, что искал, потерянно сказал: – Угораздило же вас порвать штанину.

Сергей молчал. Все происходящее с ним лишь фиксировалось его сознанием, не получая оценки, не рождая ни мыслей, ни движений. Мозг его словно боялся отдать приказ молчавшему телу и не услышать отклика. И рана на ноге не вызывала ничего, кроме равнодушного – со стороны – интереса, она действительно была похожа на след от наждака.

Уничтожив остатки слизи на теле Сергея, незнакомец взвалил его на спину и понес.

Поднявшись в гору по узенькой тропинке, выбитой среди сочной густой травы, они подошли к двухэтажному кирпичному дому с высокой островерхой крышей и аккуратно подстриженной лужайкой перед фасадом. Человек взвлок Сергея на второй этаж и там уложил на диван в полутемной комнате, освещенной только светом, падавшим из открытой двери, затем снял с Сергея ботинки, расстегнул воротник и вышел.

Некоторое время Сергей лежал один в темноте. Потом в комнату вошла женщина, в руках она несла поднос, на котором стояли горящая свеча и тарелка и чашка с горячей, видимо, пищей – от них поднимался пар.

Пододвинув к дивану стул, женщина поставила на него поднос, а сама села на край постели рядом.

– Вам надо поесть, – негромко сказала она. – Здесь горячий грог, вы весь промокли, выпейте.

Она приподняла голову Сергея и напоила его из чашки.

Сергей не ощутил ни вкуса напитка, ни запаха, но почувствовал, как тепло медленно, словно прожигая себе ходы, растекается по его молчавшему до сих пор телу. Ощущение тела после этого начало мало-помалу возвращаться к нему, и когда вернувшийся в комнату длинноволосый принялся осматривать и ощупывать его рану, Сергей отметил, что еще размыто, как будто сквозь вату, но чувствует прикосновение пальцев к коже.

Длинноволосый приложил к ране какие-то листья и крепко перебинтовал ногу куском белой материи. Когда он закончил свое дело, и женщина, молча помогавшая ему все это время, собралась покормить Сергея, тот уже спал...

...Сергей открыл глаза и огляделся. Он лежал на диване в незнакомой комнате, смутно освещенной узкой полоской пробивавшегося между ставнями света. В комнате, кроме дивана, у противоположной стены стоял небольшой книжный шкаф с застекленными дверцами, возле окна – массивный письменный стол со стулом и еще два или три стула в разных углах комнаты. На стенах висели какие-то картины.

Сергей еще несколько секунд пролежал в постели, восстанавливая в памяти события минувшего дня, затем сел. Забинтованная нога отозвалась острой болью. Сергей размотал повязку, но света для того, чтобы осмотреть рану, было слишком мало, и ему пришлось вставать и идти к окну. К счастью, состояние ноги позволяло кое-как ступать. Сергей добрался до окна и раздвинул ставни.

За окном только что прошел дождь. В висевшую за окном кормушку с размокшим хлебным мякишем гулко стучали срывавшиеся с карниза крупные капли. Синица, сидевшая на краю кормушки, недоверчиво покосилась на Сергея, но тут же забыла о нем и принялась следить за каплями, провожая падение каждой движением головы и нетерпеливо перебирая лапками, словно пританцовывая. Листва окружающих дом тополей влажно блестела, и Сергею даже почудилось, что он ощутил сквозь плотно закрытое окно горьковатый запах умытой зелени. Тополя образовывали аллею, уходившую прямо от дома и теряющуюся вдали за кронами деревьев. На аллее то тут, то там поблескивали лужицы, время от времени морщившиеся от редких капель, падавших в них с деревьев.

"Все-таки обитаемая ловушка... – медленно, словно преодолевая сопротивление, подумал Сергей. – Кобцев был прав... – и вдруг взорвался: – Черт возьми!.. – у него возникло нелепое и злое чувство, что его подло обманули. – Мне-то что теперь делать?!"

Он медленно выдохнул, пытаясь успокоиться, и прислонился лбом к стеклу. Синица на кормушке испуганно шаркнулась в сторону и, отлетев на ветку ближайшего тополя, принялась неодобрительно следить за Сергеем, склонив набок голову.

Станным образом суматошность в поведении птицы успокоила Сергея.

"Выходить-то все равно надо... – подумал он. – Так или иначе надо..."

Он опустился на стул и осмотрел ногу. Рана почти совсем затянулась, оставалась только покрытая коркой неширокая полоска вдоль кости. Сергей содрал корку и, достав из кармана комбинезона тюбик с коллоидом, выдавил его весь в рану. Потом принялся бинтовать ногу и в это время услышал за спиной голос:

– Не болит?

Сергей обернулся. На пороге комнаты стоял вчерашний длинноволосый человек.

Сергей, от неожиданности не сразу сообразивший, о чем его спрашивают, помешкав, ответил:

– Почти нет, – и отвернулся.

– Давайте я помогу, – длинноволосый подошел к нему.

– Не надо, я сам. Спасибо, – сказал Сергей, продолжая бинтовать ногу.

Длинноволосый внимательно посмотрел на него и отошел к окну.

– Вы, видимо, впервые в обитаемой ловушке? – помолчав, спросил он.

Сергей удивленно вскинул на него глаза и только теперь, в свете окна, заметил, что хотя одежда длинноволосого была грязной и заплатанной во многих местах, одет он был в комбинезон истребителя Пятен.

– Вы истребитель? – спросил Сергей.

– Да... Бывший, – ответил длинноволосый. – Вы бы спустились вниз, Елена Дмитриевна вас накормит.

– Не надо. У меня все есть.

– Как угодно, – длинноволосый пошел к двери. На пороге он обернулся. – Может, пойдете? Все-таки горячая пища...

– Нет, нет.

– Как угодно, – повторил он и вышел.

Сергей несколько секунд просидел в раздумье.

"Истребитель... – думал он. – Почему он здесь? Нет выхода? Не может этого быть, должен быть выход, надо искать... – он привычным движением ощупал карманы и заметил, что на месте нет пистолета. – Скверно, – подумал он. – Где мог обронить? Ничего не помню..."

Он спустился на первый этаж по крутой деревянной лестнице с резными отполированными до блеска перилами, миновал большую комнату, прихожую и вышел на крыльцо.

От крыльца по крутому косоугору вниз сбегала тропинка, упиравшаяся в лежавшее вокруг насколько охватывал глаз болото с торчавшими кое-где голыми, без веток, стволами деревьев, больше похожих на жерди. Все они были черными, некоторые странно изогнулись и обвисли, словно были мягкими. То тут, то там на желто-зеленой поверхности болота виднелись черные блестящие пятна, по-видимому, той самой слизи, от которой Сергея оттирал длинноволосый. Раз или два с болота долетел звук, похожий на громкий хлопок.

Сергей спустился к болоту и оглянулся. Дом стоял на небольшом бугре, практически занимая его весь, и Сергей невольно вспомнил только что виденную из окна уходящую вдаль аллею, для нее просто не было места, однако мысли его тут же вернулись к тому, что заботило его сейчас больше всего.

"Как выбираться?... – тягуче подумал он, оглядываясь вокруг. – Кругом одна топь..."

Он пошел, прихрамывая, вдоль берега, надеясь отыскать хоть какой-нибудь проход, но вид вокруг не менялся, та же желто-зеленая поверхность с черными пятнами, редкими темными кочками и уродливыми жердями.

Было трудно дышать. От болота поднимались едкие, дрожавшие, как марево, испарения, они, видимо, и создавали дымку, скрывающую все на удалении примерно трехсот метров. Оттуда, из-за дымки, однажды донеслись частые всплески, как будто кто-то четырехногий торопливо скакал по воде. Прозвучав, всплески вскоре стихли, и вновь повисла тишина, настолько глубокая, что Сергей невольно вздрогнул, услышав голос:

– Гуляете?

Впереди, метрах в десяти, стоял длинноволосый, из-за плеча его торчал ствол ружья.

"Гуляете... – усмехнулся про себя Сергей. – Чего йорничать, он же истребитель?.." – он вдруг почувствовал неприязнь к этому человеку.

Молча кивнув, он обошел длинноволосого и захромал дальше. Длинноволосый пошел след за ним, отстав на несколько шагов.

Еще издали внимание Сергея привлек довольно большой отполированный черный камень, лежавший в нескольких метрах от берега. Подойдя ближе, Сергей увидел, что это тело человека, лежащее на кочке. Оно было полностью покрыто черной слизью и как будто оплыло, словно было вылеплено из черного воска, а потом слегка нагрето. Оно уже начало обволакивать собой кочку.

– Что это? – несколько секунд Сергей не мог отвести глаз от блестящего, полустертого, словно вспухшего, лица и руки, протянутой вперед, в сторону берега, и тоже неестественно округлой.

– Это пластилиновый человечек, – сказал длинноволосый, подойдя ближе. – Так их окрестила Елена Дмитриевна. Их несколько на болоте. Есть уже почти совсем расплывшиеся.

Он подобрал лежавшую на берегу палку и, по кочкам приблизившись к трупу, столкнул его палкой в воду. Тело тут же утонуло, оставив на поверхности колышущееся пятно.

– Ему уже все равно, – словно извиняясь, сказал длинноволосый, вернувшись на берег. – А смотреть действительно неприятно, я-то как-то привык...

– Кто это был, не знаете? – спросил Сергей.

– Не знаю, – длинноволосый безразлично пожал плечами. – Может, случайно попавший в ловушку, может, как вы, истребитель, одежды не было видно. Пойдемте, тут тяжело дышать, да и эта гадость собирается... – он повел рукой вокруг.

Сергей быстро огляделся. Пятна, до этого сравнительно равномерно покрывавшие поверхность болота, заметно сместились к тому месту, где стояли Сергей с длинноволосым. Пятно, оставшееся на воде от трупа, уже вползло на кочку рядом с берегом. Сергей невольно отступил назад.

– Пойдемте, – повторил длинноволосый. – Долго здесь лучше не находиться.

– Да, да, – Сергей почувствовал, что задыхается.

Они пошли к дому. Длинноволосый шагал быстро, и Сергей едва поспевал за ним. Несколько раз он невольно оглядывался на место, где несколько минут назад лежал "пластилиновый человечек".

На пороге длинноволосый сказал:

– Вы уже прилично ходите, – и долго посмотрел на Сергея, но полузадохнувшийся Сергей не обратил на это внимания.

Они вошли в дом. Проходя через гостиную, Сергей увидел сидевшую возле пылающего камина вчерашнюю женщину. Она не заметила его, и Сергей поднялся к себе в комнату. Несколько минут он сидел на диване, отдыхая. Его слегка поташнивало, голова гудела, и некоторое время он не мог ни на чем сосредоточиться. Вскоре, однако, все это прошло.

Сергей почувствовал голод. Он достал плитку шоколада и, подойдя к окну, принялся жевать.

"Как выбираться? – думал он. – Должен же быть выход. Судя по всему, длинноволосый вовсю лазает по болоту... У него спросить? Почему он сам не ушел? Не смог? Боли испугался? Не похож он на новичка... Может, у женщины?.. Как ее длинноволосый назвал? Еленой Дмитриевной? Ну да, Еленой Дмитриевной... Почему он все-таки не ушел?.. Не решился?.. А я?.."

Он тряхнул головой, отгоняя мысли, потом, торопливо дожевывая шоколад, размотал повязку на ноге. Рана уже почти зарубцевалась. Он тщательно забинтовал ногу, сначала тряпкой, а потом еще раз бинтом поверх штанины.

Проверив амуницию и убедившись, что все в порядке, он спустился в гостиную.

Женщина сидела на том же месте. Гостиной была довольно большая комната, залитая сиреневым светом раннего зимнего вечера. За двумя большими окнами с распахнутыми ставнями виднелись аккуратные деревья в шапках бледно-сиреневого снега.

Женщина обернулась на звук шагов.

– А, это вы. Садитесь, пожалуйста, – она указала на второе кресло, стоявшее тут же у камина. – Впрочем, возьмите сначала плед, там, в шкафу. Здесь довольно свежо.

– Спасибо, не беспокойтесь, – Сергей сел в кресло напротив женщины. Сейчас, освещенную светом окон, он рассмотрел ее. Это была молодая женщина с очень красивым тонким лицом, большими серыми глазами и густыми, отливающими медью и казавшимися очень тяжелыми длинными волосами. На запястьи тонкой ее руки, придерживающей плед у подбородка, поблескивал изящный золотой браслет в виде двух свившихся змеек с холодными изумрудными глазами. Женщина сидела, словно забыв о Сергее, и, не отрываясь, смотрела на пламя камина.

Сергей отвернулся.

– Вас, наверно, удивляет вид из окна? – неожиданно заговорила женщина. – В этой комнате всегда зима и холодно, так же, как в вашей всегда дождь и хлебный мякиш. Там был кабинет отца, а хлеб в кормушку всегда клала я... Это дом моих родителей, он стоял – настоящий – в саду, и там действительно была тополиная аллея. А здесь обман... – она говорила, отрешенно глядя на пламя. – Здесь ничего не меняется, даже я сама. Я даже не могу умереть здесь... Даже умереть...

"Ну да, – машинально отметил про себя Сергей, – ведь ловушку наверняка структурировала она..."

Женщина вдруг тряхнула головой и, повернувшись к Сергею, улыбнулась:

– Викентий Борисович говорил, что вы уже почти поправились. Может, хотите поесть?

– Нет, нет, – быстро мотнул головой Сергей. – Нет. Я действительно себя вполне прилично чувствую... – он помолчал. – Я должен уходить отсюда, Елена Дмитриевна. Совсем, понимаете?

Улыбка женщины стала вдруг виноватой, и она отвернулась.

– Вам нужно идти со мной, – сказал Сергей.

Женщина покачала головой:

– Это невозможно...

– Елена Дмитриевна... – Сергей помолчал, подбирая слова. – Вы, видимо, не вполне понимаете, где находитесь. Это место называется информационной ловушкой... Да впрочем, неважно, как она называется, – с досадой сказал он, – просто, когда я выйду из нее, она исчезнет. Перестанет существовать, понимаете? Со всеми, кто здесь находится. Вы перестанете существовать, понимаете?

– Я знаю... – рассеянно, думая, видимо, о другом, сказала женщина. – Я не смогу выйти. Просто не смогу... Поверьте, я пробовала.

– Елена Дмитриевна... – Сергею казалось, что вот-вот он найдет слова, которые убедят эту женщину. – Я обязан идти, поймите, не имею права не идти. От этого слишком многое зависит... И мне нужно идти сейчас...

– Он убьет вас, – словно не слыша его, сказала женщина.

Сергей оторопел.

– Убьет? Кто?

– Викентий Борисович.

– Это?..

– Да, он. Тут больше никого нет. Это он вытащил у вас пистолет.

– Вот как? – Сергей не знал, что подумать.

– Он застрелил того, кто был здесь перед вами, – продолжала между тем женщина. – Застрелил, когда тот уходил через болота, почти уже на том берегу.

Она проговорила все это так размеренно и спокойно, что Сергей невольно засомневался, в себе ли она.

– Вы ничего не путаете, Елена Дмитриевна? – мягко спросил он.

– Нет, не путаю, – все так же ровно сказала женщина. – Я видела все собственными глазами. Он выстрелил дважды. Первый раз, видимо, не попал, а когда тот человек побежал, он выстрелил во второй раз, в спину. А потом поволок тело на тот берег. Дальше ничего не было видно, там марево... Когда я рассказала Викентию Борисовичу о том, что видела все это, он накричал на меня, а потом, угрожая карабином, заставил идти к выходу отсюда... Но я не смогла, даже так – не смогла...

– Простите, Елена Дмитриевна, – спросил Сергей, – он... Викентий Борисович заставлял вас выйти из ловушки?.. Ну, отсюда. Я правильно вас понял?

– Да...

Сергей некоторое время молчал, пытаясь сложить все, что услышал.

"Зачем? – думал он о длинноволосом. – Убил человека, который шел из ловушки, ну, это ладно – понимает, что к чему, и хочет жить, но погнать туда же эту женщину... Зачем? Угрызения совести? Горячка?.. А труп? Зачем он волок труп? Ну, остался бы еще один "пластилиновый человечек"... Куда он волок? Тоже к выходу?.. Стоп!.. Трупы в Реальности..."

Сергей вдруг вспомнил то, что говорил ему при последнем свидании Кобцев.

– Елена Дмитриевна, – осторожно, боясь спугнуть возникшую, но до конца еще не оформившуюся догадку, спросил он, – скажите, какое у него оружие? Вы, кажется, сказали – карабин? Да?

– Да, карабин. Викентий Борисович обычно охотится с ним.

– Понятно...

"Ну, конечно же карабин, – подумал Сергей, – как я мог забыть? На болоте у него за спиной был именно карабин калибра семь-пятьдесят две..."

– Где сейчас Викентий Борисович? – спросил он.

– Наверно, в библиотеке, – ответила женщина. – Это на втором этаже, первая дверь налево, – и, тревожно вскинув глаза на Сергея, спросила: – Что вы хотите делать?

– Не знаю... – Сергей поднялся. Он действительно не знал, что будет делать. – Еще один вопрос, Елена Дмитриевна. Вы говорили о выходе, туда можно как-то пройти?

– Да, проход есть. Надо идти на деревья, – женщина говорила, вновь отвернувшись, – вы увидите, там растут три дерева рядом, вы их с другими не спутаете. Они такие же голые, без веток, как и все остальные, только они белые, а не черные, на болоте белых больше нет. Мимо них к тому берегу выложена тропа, там можно пройти...

Женщина внезапно замолчала, словно тут же забыв о Сергее.

– Елена Дмитриевна, – помедлив несколько секунд, сказал Сергей, – может быть, вы все-таки пойдете?

Женщина спокойно посмотрела на него.

– Нет, – сказала она так, будто отвечала самой себе. – Нет.

Сергей понял, что дальше говорить бессмысленно. Он постоял еще секунду, потом пошел к двери. На пороге он обернулся. Женщина сидела неподвижно, отрешенно глядя на пламя камина.

Сергей поднялся в библиотеку. Длинноволосый сидел за столом спиной к двери и при свете свечей – ставни на окнах были прикрыты, – должно быть, читал. Вдоль стен, насколько это можно было разглядеть в полутьме, стояли высокие, под потолок, стеллажи с книгами.

– Это вы, Лена? – длинноволосый обернулся и, сняв очки – он был в очках, – некоторое время присматривался, силясь рассмотреть со света в темноту, кто вошел. Затем, узнав Сергея, сказал: – А, это вы. Заскучали? Входите.

– Викентий Борисович, – оставаясь на пороге, сказал Сергей, – я уйду из ловушки. Вы идете со мной?

Длинноволосый как-то вдруг сгорбился и, отвернувшись от двери, долго протирал очки платком; потом, по-прежнему не оборачиваясь, медленно, словно подбирая слова, спросил:

– Разве Елена Дмитриевна еще не рассказала вам о том, что я убил человека?

– Рассказала.

Длинноволосый еще несколько секунд просидел неподвижно.

– Она знает не все, – сказал он наконец. – До этого были еще двое.

"Все сходится... – подумал Сергей, почти не удивившись. – Кобцев говорил о трех трупах, таких совпадений не бывает..."

– Так это вы выталкивали трупы из ловушки? – спросил он, в общем-то уже не сомневаясь в ответе.

– Да, я... – сказал длинноволосый. – И вы полагаете, что после всего этого я все еще имею право выходить в Реальность? Вы полагаете, что она станет милосерднее от этого? Что я смогу принести туда?... – он подождал немного и, так как Сергей молчал, заговорил вновь. – И потом, – сказал он, – как быть с Еленой Дмитриевной? Она ведь не выйдет, тем более, если пойдут трое. Вы представляете, какие деформации должны быть в Реальности?

– Тогда вдвоем, – сдерживаясь, сказал Сергей. Он чувствовал нарастающую в душе злость. "Чего он юродствует?... – думал он. – Ведь истребитель же, все понимает..." – Выйдет тот, кому повезет...

– А себя вы, конечно, считаете вправе выходить в Реальность? – длинноволосый быстро обернулся и, убрав рукой мешавшие волосы, из-за плеча посмотрел на Сергея. – Даже несмотря?..

– Это моя обязанность, вы знаете, – деревянным голосом перебил его Сергей. – Как, кстати, и ваша. И вы также очень хорошо знаете, чем грозит Реальности каждая ловушка.

Длинноволосый отвернулся и, помедлив, спросил:

– А вы не прокляли бы себя там? Вы ведь...

– Ну, вот что! – оборвал его Сергей. – Вы идете или нет?

Длинноволосый повернулся к нему всем телом.

– Вы ничего не поняли!

И вдруг Сергей успокоился.

"Ну да, конечно? – чуть удивленно от простоты и очевидности пришедшей в голову мысли подумал он, – он же все время говорит о Реальности. Как же я не понял? Деформации в Реальности... Ну да. Трупы ведь так не деформируют Реальность. И женщина была бы там более чиста, вот он и погнал ее к выходу..."

– Послушайте, Викентий Борисович, – Сергей вошел в комнату, подошел к столу и сел напротив длинноволосого. – Вы же истребитель, вы не можете не знать, что трупы выносят из ловушки слишком мало информации для того, чтобы уничтожить ее. Даже трех одинаково убитых людей недостаточно для этого. Так сколько вам понадобится? Сотня? Две? Вы раньше сойдете с ума... – он помолчал. Длинноволосый сидел, глядя на свои сцепленные кисти рук. – Убивать здесь ради милосердия там?..

– Вам не следует уходить, – глухо сказал длинноволосый.

– Викентий Борисович...

– Вам не следует уходить! – с силой повторил длинноволосый. – У вас уже нет такого права. Слышите?

Сергей, не отвечая, поднялся и вышел.

Он спустился к болоту и пошел вдоль берега, ища глазами деревья, о которых говорила женщина. Он миновал место, где лежал "пластилиновый человечек", и вскоре действительно увидел вдалеке три рядом стоящих белых деревца. От берега к ним шла хорошо заметная тропа, высланная в некоторых местах еловыми ветками. Сергей пошел по тропе, сначала медленно и осторожно, а потом все быстрее и уверенней.

Он успел пройти, должно быть, метров двести, когда в покрытое черной слизью дерево, мимо которого он проходил, с громким чавканьем вошла пуля, и тут же вслед за этим докатился звук выстрела. Дерево, наклонившись в сторону выстрела, обвисло наподобие колпачка у кукольного Петрушки. Сергей обернулся. Позади него, шагах в двадцати, на тропе стоял длинноволосый с карабином в руках.

– Бегите! – дождавшись, пока Сергей повернется к нему, крикнул длинноволосый. – Бегите же! – Сергей не шевелился. Длинноволосый вскинул карабин, но, не решившись выстрелить, опустил его и снова крикнул: – Бегите!

Сергей стоял, не шевелясь.

"Он мажет потому, что близорук... – вдруг как-то ненужно, словно со стороны, подумал он и сам удивился пришедшей в голову мысли. Нахлынувший в первое мгновение страх внезапно исчез, и Сергей ощутил внутри себя противоестественную, почти кошунственную сейчас легкость. – Вот и все... – подумал он. – Все вопросы... Сейчас он подойдет ближе..."

Однако длинноволосый, стоя там же, вскинул карабин и выстрелил над головой Сергея. Сделал он это как-то неловко – отдачей его развернуло, и он, поскользнувшись на незаметно подползшем черном пятне, выронил карабин, нелепо всплеснул руками и рухнул навзничь в желто-зеленое озерцо. Он успел истошно крикнуть и исчез под водой.

Сергей с минуту стоял словно оглушенный, не веря тому, что произошло. Легкость внутри него так же внезапно, как и возникла, сменилась глухим безразличием.

Он медленно развернулся и зашагал прочь.

Некоторое время он шел, почти не разбирая дороги, пока маслянистый блеск податливой топи под ногами не остановил его. Он судорожно вскарабкался на кочку, сел и, окончательно придя в себя, огляделся. К счастью, он не успел далеко уклониться от тропы. Разувшись, он вылил из ботинок воду, выжал намокшие штанины и, почувствовав, что оправился окончательно, пошел дальше.

С каждым шагом идти становилось все труднее. Испарения, быстро густевшие, разъедали глаза и обжигали легкие. Слезы и пот, сбегавший со лба, слепили и лишали ориентировки. Сергею приходилось часто останавливаться и долго и тщательно выбирать путь среди топей. Он видел, как со всего болота к нему сползаются пятна, как они в спешке вползают друг на друга, сливаясь, как тянут к нему отростки – и не мог заставить себя идти хотя бы немного быстрее. Он задыхался.

Слева и справа ему начали чудиться толпы странных серых людей с полустертыми неясными лицами. Люди шагали рядом с ним, сосредоточенно и угрюмо глядя перед собой, не отставая ни на шаг и не уходя вперед, и плеск их шагов становился все громче и громче. Казалось, с каждой секундой людей становится больше. Иногда сознание Сергея выхватывало в этой разрастающейся толпе знакомое лицо, словно высвечивая его до мельчайших подробностей, и тут же толпа приходила в беспорядочное движение, и лицо пропадало, растворялось в окружении.

Гул от множества шагающих ног заполнил вскоре все сознание Сергея и причудливым образом отдалил все, что происходило с ним. Сергей как будто со стороны видел собственное тело, видел, с каким трудом оно переставляло ноги и продвигалось дальше, видел болезненную гримасу на собственном лице, и в нем на мгновение возникло удивительное чувство сострадания к своему телу.

В следующую секунду его мозг пронзила нестерпимая боль, и кроме нее, все вокруг перестало существовать. Не было ничего, кроме боли. И лишь один крохотный кусочек сознания, кусочек, который и позволял Сергею быть истребителем, продолжал следить за движением тела, и оно продолжало послушно шагать, как хорошо отлаженный автомат, с поразительно равными интервалами между чавканьями трясины под ногами. Сергей потерял представление о времени...

Первым ощущением, которое он осознал, было ощущение чего-то прохладного и шершавого в ладони – он стоял, опершись рукой о ствол одного из трех белых деревьев. Сознание Сергея было ясным, лишь рваные клочки боли да ватная полунемота ног напоминали о том, что с ним происходило. Он хотел опуститься на траву, но всплывший откуда-то страх не найти выхода из ловушки погнал его вперед.

Он поднялся по пологому откосу и вскоре услышал журчание неторопливо текущей воды, доносившееся из-за густой стены ивовых ветвей. Подойдя и раздвинув ветви, Сергей увидел колыхавшееся над неподвижной, покрытой опавшими листьями заводью молочно-белое пятно. Оно двигалось к Сергею, шутовски выбрасывая из себя клубящиеся языки и пугливо касаясь краями зеленого свода. Приближаясь, оно становилось все более и более прозрачным, пока почти совсем не исчезло, приблизившись вплотную. Осталась лишь едва поблескивавшая пленка, на которой, как в зеркале, Сергей увидел себя с посеревшим лицом и растрепанными, слипшимися на лбу волосами, в заляпанном грязью комбинезоне.

"Ну, вот и все, – облегченно подумал он. – Пятно есть," – и почувствовал, что совершенно обессилел.

Он опустился на траву, выстилавшую берег заводи, и несколько минут сидел, совершенно отрешенный, не обращая внимания на пленку, почти касавшуюся его лица. Потом поднялся и, оттолкнувшись спиной от ствола ивы, с силой бросил кулак в центр Пятна – и в ту же секунду ощутил странный, всей поверхностью тела сразу, удар о что-то твердое и очутился в полнейшей темноте. Во рту появился привкус крови.

Сергей поднял руку и наткнулся на неровную каменную стену, по которой сбегали струйки воды, проникавшей в рукав и обжигавшей тело. Сергей поднялся, достал фонарь и, включив его, огляделся. Он находился в каменном тоннеле с высоким, примерно в два человеческих роста, сводом. По дну тоннеля бежала вода и Сергей пошел по течению, придерживаясь руками за стену и скользя по мокрым камням. Чем дальше, тем ниже становился свод, и в конце концов Сергею пришлось идти согнувшись.

Он шел уже минут пять или семь, когда впереди забрезжил свет, и еще через минуту Сергей стоял перед выходом из тоннеля. Он с минуту прислушивался, однако снаружи не долетало ничего, кроме негромких звуков, похожих на далекое воронье карканье. Подождав на всякий случай еще немного, он выбрался из тоннеля и, невольно зажмурившись, некоторое время стоял, привыкая к свету. Затем огляделся.

Он стоял на дне песчаного карьера. Стены, поднимавшиеся отвесно вверх метров на пятьдесят, открывали над головой почти идеально круглый слепящий кусок неба. По краям его кое-где торчали полуповаленные телеграфные столбы с ссорившимися на перекладинах воронами и свисавшими вниз длинными обрывками проводов. По стенам карьера взбегала поросшая травой грунтовая дорога. Справа, почти у самого входа в тоннель, стоял, вцепившись в стену ковшом, экскаватор. И не было никого.

Сергей подошел к экскаватору и вздрогнул, услышав над головой голос:

– Ты что тут ищешь, парень?

Подняв голову, Сергей увидел высунувшегося из кабины черноволосого, почти черного от загара человека, вытиравшего ветошью руки. Человек оглядел Сергея с ног до головы и протянул:

– А-а... Ты, видать, из этих... из Управления особых программ? Истребитель? Ходят тут ваши, тоже вроде тебя, оборванные...

Сергей ощутил вдруг полнейшую – да звона – блаженную пустоту. Он даже не обратил внимания на слова экскаваторщика, знавшего откуда-то об Управлении особых программ и истребителях. Он опустился на землю, оперся спиной о горячее железное колесо и с наслаждением вытянул ноги, подставив лицо полуденному солнцу.

Через некоторое время человек, окликнувший его, появился из-за экскаватора и сел рядом с Сергеем на землю.

– На, утрись, – он протянул Сергею белое полотенце. Сергей машинально взял полотенце и тут же забыл о нем.

– Может, поешь со мной? – экскаваторщик развернул на коленях сверток с какой-то снедью.

Сергей отрицательно покачал головой. Говорить ему не хотелось, не хотелось вообще ничего. Он знал, что заполнившая его блаженная пустота скоро исчезнет, сменившись привычным напряжением, и поэтому дорожил каждой секундой отдыха.

Экскаваторщик молча принялся за еду. Ел он неторопливо, сосредоточенно, а покончив с едой, аккуратно сложил обертку и положил в карман. Потом так же неторопливо, как будто наслаждаясь самими движениями, достал сигарету, закурил и только после этого сказал:

– Так вот, вроде тебя из тоннеля выходят. Глаза пустые, выйдут и чешут, куда несет, не глядя. Что твои роботы... – Сергей услышал негромкое потрескивание загорающегося табака, затем экскаваторщик с сердцем сказал: – Истребители, мать вашу... Доигрались... Это ж все на свете с вашими пятнами гавкнуться может, так, нет?

"Откуда он знает о Пятнах? – медленно, сквозь полудрему, в сознании Сергея сформировалась мысль, словно в меду всплыл пузырь. И лопнул. Сергей мгновенно напрягся. Мозг его заработал четко и ясно. – Откуда ему известно об истребителях? Кто этот человек? Что тут произошло?.."

Он резко выпрямился.

– Откуда вы знаете об истребителях?

– Да не дергайся ты... – беззлобно сказал экскаваторщик, затаился и несколько секунд молчал, промаргиваясь от попавшего в глаз дыма. – Слышал я про вашу секретность. Про все слышал. Считай, третий день по телевизору только об этом и говорят. Сегодня вот должны пресс-конференции повторять, ваш какой-то проводил, вчера показывали. Идет уже, поди... – он посмотрел на часы. – Ну, да, – потом покосился на Сергея. – Посмотреть, может, хочешь? – Сергей кивнул. – Это я сейчас...

Он взобрался на гусеницу и достал из кабины портативный телевизор.

– Держу вот от скуки, – сказал он, устанавливая телевизор перед Сергеем на плоский камень. – Когда в обед посмотрю...

Он включил телевизор и вернулся на свое место.

Сергей увидел на экране Кобцева. Арсений Никитич сидел перед двумя рядами микрофонов, упершись в стол локтями сцепленных рук. Он внимательно смотрел перед собой.

"Хоть Кобцев здесь, – подумал Сергей, стараясь унять охватившую его тревогу. – Что тут стряслось?.."

– ... была принята программа борьбы с Пятнами? – услышал он из телевизора незнакомый голос.

– В первую очередь потому, что при встречах с Пятнами гибли пилоты джей-каналышники, – ответил Кобцев.

– А во вторую?

– Видите ли...

"Что стряслось?.. – смятенно подумал Сергей. – Десять лет жесточайшей секретности и – пресс-конференция?.. Бред какой-то..."

– ... Чуть позже, – продолжал говорить Кобцев, – по данным, которыми мы располагали, было сгенерировано несколько моделей Пятен, и оказалось, что некоторые из этих моделей допускают глобальное влияние самого факта существования Пятна на Реальность. Я поясню. В одной из моделей, например, – так называемой модели информационной ловушки – при взаимодействии человека с границей "ловушки" – это и есть Пятно – в Реальности могут происходить принципиально непредсказуемые изменения, вплоть до самых катастрофических. Связано это с тем, что в момент перехода границы человек должен быть исключен из структуры Реальности, из ее прошлого и настоящего, тем самым Реальность деформируется, причем таким образом, что характер изменений предсказать нельзя, это принципиально случайная вещь. Вероятность катастрофических деформаций весьма мала, но она есть.

– Почему же мы узнаем об этом только сейчас? – вслед за вопросом из телевизора послышался приглушенный гул голосов.

– Доигрались!.. – неожиданно громко и, показалось, с удовлетворением сказал экскаваторщик над ухом Сергея и сплюнул.

Кобцев на экране переждал, пока гул стихнет.

– Прежде всего, это только одна из моделей, одна из многих. Есть вполне благополучные... – спокойно сказал он. – Теперь что касается причин секретности... Опыт первых же встреч с Пятнами показал, что наибольшие шансы выжить при этом оказались у пилотов с малой величиной так называемого информационного веса в Реальности, иначе говоря, у одиноких, долго работавших на отдаленных базах и тому подобное. Некоторым из таких пилотов удавалось проникнуть внутрь Пятна и вернуться, и после этого Пятно исчезало. Я думаю, понятно, что секретность была вызвана желанием уменьшить риск для истребителей случайно повысить свой информационный вес. Кстати говоря, в равной – если не в большей – степени это имело отношение и к нам с вами – чем выше информационный вес истребителя, тем больше вероятность глобальных деформаций в Реальности при его уходе, больше связей надо рвать, вы понимаете.

– Но риск катастрофы все-таки был?

"Имело?.. Был?.." – машинально удивился Сергей.

– Был... – Кобцев на экране кивнул. – Во всяком случае – в рамках модели. И нам кажется, что выбиралось меньшее из зол. Дело вот в чем. В принципе, существует небольшая, но все-таки ощутимая вероятность провала любого человека – с любым информационным весом – внутрь Пятна. И вот тогда предугадать величину и характер деформаций в Реальности невозможно вообще...

– Ладно, – сказал экскаваторщик и поднялся, – видал я всю эту... Пойду подремлю, а то скоро конец обеда, – он ушел.

Пресс-конференция между тем продолжалась.

– Господин Кобцев, – услышал Сергей, – некоторые сообщения, появившиеся в последнее время по поводу борьбы с Пятнами, можно понимать так, что характер, как вы говорите, Реальности после возвращения истребителя определяется характером его личности, личности истребителя. Это верно?

– Может – да, может – нет... – не сразу ответил Кобцев. – Действительно, в рамках некоторых моделей Реальность должна испытывать деформации, связанные с истребителем, хотя бы потому, что он должен быть при возвращении вновь включен в структуру Реальности. Но мне трудно представить, как этот вывод мы могли бы проверить, мы-то с вами изменяемся вместе с Реальностью, внутри нее.

– Можно просто спросить у истребителей.

– Можно, разумеется. Только нет никаких гарантий, что ответ будет объективен, неизвестно ведь, что происходит при возвращении с сознанием самих истребителей... Кроме того, они могут просто не захотеть сказать.

– Почему?

– По разным причинам... Большинство из них, я знаю, действительно верят в то, что существует связь между характером Реальности и личностью истребителя, но, возможно, это просто реакция на долгое одиночество...

– Некая разновидность психологии собственной исключительности?

Кобцев резко поднял глаза, хотел было что-то быстро ответить, но сдержался и некоторое время молча смотрел перед собой. Потом с усилием сказал:

– Мне не хотелось бы об этом говорить так. Я не думаю, чтобы у кого-нибудь из здесь присутствующих было право говорить об этом так...

"Нескладно у Арсения Никитича получилось... – подумал Сергей, вставая. – Похоже, что Пятен больше нет..."

Он выключил телевизор и отыскал экскаваторщика. Тот дремал прямо на разогретой солнцем гусенице.

Когда Сергей подошел, экскаваторщик открыл глаза.

– Посмотрел?.. То-то, – сказал он и повернулся к Сергею спиной.

– Город здесь рядом есть? – спросил Сергей.

– Есть, как не быть? Двадцать километров по бетонке.

– Как туда добраться?

Экскаваторщик с полминуты думал, затем поднялся и сел, протирая пальцами глаза.

– Подождал бы ты немного, честное слово. Машины за песком придут -подбросят.

– Это когда?

– Минут через сорок.

– А быстрее?

– Быстрее?.. Можно, конечно, пешком до бетонки, а там на попутке, только все равно то на то и выйдет, устанешь только.

– Спасибо, – сказал Сергей. – Я пойду...

– Как знаешь...

Сергей добрался до шоссе и вскоре остановил попутку; из разговора с шофером, также слышавшем об истребителях, узнал, что оказался недалеко от Москвы, под Ногинском. Машина довезла его до вертолетного вокзала. Там Сергей отыскал видеофон и позвонил Кобцеву. Номер, к счастью, остался прежним.

– Сережа, здравствуй! – обрадовался Кобцев, увидев Сергея. – Как ты?

– Нормально. Я вернулся.

– Я понял, Сережа. Где ты сейчас?

– Недалеко, под Ногинском. На вертолетном вокзале.

– Очень хорошо. Не исчезай никуда, я скоро буду... Да. Ты не удивляйся, если услышишь разговоры об истребителях, Пятнах и прочем. Похоже, что ты уничтожил последнее. Во всяком случае, поисковики не могут обнаружить больше ни одного, да и по косвенным признакам то же выходит, так что начальство решило программу рассекретить.

– Я догадался. Слышал запись вашей пресс-конференции.

– Вот как? Ну, хорошо. Значит, жди...

Погасив экран, Сергей постоял секунду, затем прошел в туалет, умылся и как смог отчистил комбинезон от грязи. Это заняло не больше десяти минут, и Сергею пришлось идти в зал ожидания. Зал был на счастье почти пуст, лишь кое-где по одному, по двое сидели несколько человек, занятых разговорами, газетами или собой. Сергей прошел в дальний конец зала и устроился в кресле прямо напротив стеклянной стены, выходящей на посадочное поле.

За стеклом моросил дождь. На сером посадочном поле одиноко стояла легкая "стрекоза", сиротливо опустив как будто набухшие и отяжелевшие от воды лопасти винтов.

Сергей сидел, бездумно глядя перед собой. Дело, определявшее всю его жизнь на протяжении последних десяти лет, вдруг исчезло. Впервые за эти годы ему не нужно было таиться и спешить в свой заброшенный монастырь за облаками, и он вдруг понял, что не знает, что ему со всем этим делать...

Примерно через час на серой "Волге" приехал Кобцев.

Сергей шел по залу и чувствовал спиной любопытные взгляды. Ему казалось, что все эти люди давно, все время, пока он тут сидел, рассматривали его. Он понимал, что одет в нелепый здесь грязный комбинезон с замотанной рваными бинтами штаниной и торопился к машине.

"Волга", вырвавшись на трассу, помчалась к Москве.

Сергей молча смотрел в окно. Мимо неслись почти уже облетевшие деревья, изредка между ними мелькали блеклые фасады одиноких домов. Кобцев сидел рядом и тоже молчал, время от времени искоса поглядывая на Сергея.

У изгиба дороги, проявляясь сквозь пелену дождя, возникла женская фигура в длинном плаще с капюшоном. Женщина шла навстречу им, и когда, поравнявшись с ней, водитель притормозил на скользком повороте, Сергей успел рассмотреть ее лицо – это была женщина из ловушки.

– Стойте! – резко сказал Сергей. Водитель в недоумении оглянулся. – Да стойте же! – повторил Сергей и тут же ткнулся лицом в спинку переднего сидения.

Он выскочил из машины и побежал за женщиной. Она услышала его шаги, только когда он догнал ее, и обернулась. Это была она.

– Елена Дмитриевна... – задохнувшись от быстрого бега, только и сказал Сергей.

Что-то мелькнуло в ее глазах, блеск, какое-то движение, Сергей не смог бы сказать, что это было, но в тот момент он готов был поклясться, что она узнала его.

Через мгновение ее глаза стали удивленными.

– Вы обознались, – чуть виновато улыбнулась она. Сергей растерялся.

– Вы не Елена Дмитриевна? – все еще не веря, спросил он.

– Вы обознались, уверяю вас, – помедлив секунду, повторила женщина и отвернулась.

В этот момент порывом ветра сбросило капюшон с ее головы, и Сергей увидел ее рассыпавшиеся по плечам длинные волосы – они были пепельными. Женщина торопливо накинула капюшон и быстро взглянула на Сергея.

– Вы обознались, – вновь чуть виновато и сочувственно улыбнулась она и, повернувшись, пошла прочь, больше не оглядываясь.

Сергей стоял под дождем, не двигаясь, пока женщина не скрылась за поворотом дороги, потом, словно очнувшись, заметил стоявшую рядом с ним "Волгу". Он молча сел в машину, и Кобцев жестом приказал водителю трогаться.

Прошло несколько минут прежде, чем Кобцев, внимательно посмотрев в окно, сказал водителю:

– Здесь направо!

– Я хочу отвести тебя к нам на дачу, Сережа, – сказал он, когда машина повернула. – Мои будут очень рады. Поживешь с недельку. Река, лес, за грибами сходишь...

– Да, да... Да... – почти не слыша его, машинально кивал Сергей. И вдруг рассмеялся, горько и беспомощно: – Обознался!.. Обознался!..

Дождь усилился, и по стеклу, за которым мелькали расплывшиеся в пелене дождя голые стволы деревьев, заметалась, словно в поисках выхода, тоненькая струйка...

ГОСПИТАЛЬ

Они шли по длинному, тускло освещенному коридору с рядами глухих металлических дверей по обе стороны.

– Здесь склады резервного оборудования и аппаратные, – пояснил Кнорре, кивнув на двери. – Два нижних этажа и подвал заняты служебными помещениями. Больные наверху. – И, видимо заметив, что Синцов продолжает невольно прислушиваться, добавил: – Вы ничего не услышите: в Госпитале очень хорошая звукоизоляция.

Синцов, на секунду смешавшись, спросил:

– У вас много оборудования?

– Да, – кивнул Кнорре. – Госпиталь проектировался под автономное существование. В первые годы так и было. Только в последнее время сюда стали пускать посетителей.

– И много их бывает на Острове?

– Как когда. Дважды в год приезжает коллегия медиков для переосвидетельствования больных, примерно в то же время бывают техники – проверяют систему жизнеобеспечения. И, конечно, родственники.

– Много их приезжает?

– Да, много. Почти ко всем.

– Как часто приезжают?

– Раз в месяц, обычно в первую неделю. Так сложилось.

– Понятно. Значит, за последние две недели здесь посторонних не было?

– Приезжал брат к одному из больных, Йодко... Видите ли, он джей-каналщик, сказал, что улетает в длительную экспедицию, и я разрешил свидание. Как исключение, это допускается. А больше не было никого.

– Понятно.

"Йодко, Йодко..." – повторил про себя Синцов, запоминая.

Они прошли поворот и по узкой лестнице спустились вниз, в большой зал, свод которого поддерживали массивные, квадратного сечения, колонны. Между рядами колонн тесно стояли высокие, выше человеческого роста, металлические ящики. В проходе между ними идти рядом было невозможно, и Кнорре пошел впереди.

– А что все-таки с ними, Михаил Карлович? – спросил Синцов, разглядывая ящики, мимо которых они проходили. – Я имею в виду ваших пациентов. Мне толком ничего не удалось узнать.

– Точно никто и не знает, – не оборачиваясь, ответил Кнорре. – Предполагают какие-то нарушения в новых и сверхновых областях коры головного мозга, но какие именно... Сам я только практикующий врач... Во всяком случае, сейчас они кричат гораздо меньше, чем в первое время. Особенно те, к кому приезжают родственники.

– Что же с ними произошло?

– Кто знает? – Кнорре слегка пожал плечами. – Накрыло тромбом, а что произошло в самом корабле?.. – Он вновь пожал плечами. – Из них ведь никто нормальным из Канала не вернулся...

Синцов некоторое время шел молча, затем спросил:

– Как они общаются с родственниками?

– То есть?.. – Кнорре на ходу обернулся. – А, вот вы, о чем... Есть специальная методика... – Он остановился, огляделся, потом, сказав: "Чуть дальше", вновь зашагал вперед. – Так вот, есть специальная методика, довольно сложная и, в общем, небезобидная для мозга. Применение ее делает больного примерно на полчаса почти нормальным человеком, который,

к счастью, не помнит ни о том, что с ним произошло, ни о своей боли. Применять эту методику не рекомендуется чаще, чем раз в месяц, этим и обусловлена периодичность посещений...

Кнорре резко свернул в сторону и, пройдя между ящиками, остановился возле темно-серой от влаги стены. На ней примерно на уровне груди Синцов увидел ярко-оранжевый прямоугольник.

– Мина была здесь, – указав на прямоугольник, сказал Кнорре.

"Оранжевое – это от дифпластика", – автоматически отметил про себя Синцов и огляделся.

Место, где крепилась мина, поразило его тем, что ничем не отличалось от тысячи таких же мест в зале.

– В этом помещении какие-то важные устройства? – спросил Синцов.

– Нет, – Кнорре качнул головой. – Я понимаю, о чем вы спрашиваете. Здесь только контроллеры состояния, – он указал на ящики, – по три на каждого больного. Без них можно обойтись.

– А за стеной?

– Стоянка роботов-уборщиков. Ничего особенно важного поблизости нет. Процессоры жизнеобеспечения далеко, через два помещения. У них есть и дублиеры – еще дальше.

Синцов замерил все расстояния, определяющие положение оранжевого прямоугольника, потом внимательно осмотрел стену, пол возле нее, несколько близлежащих ящиков, но не обнаружил ничего, привлекающего внимания.

"Этого следовало ожидать, – подумал он. – Какие могут быть следы? Стены и пол бетонные. Пришел человек, аккуратно приклепнул мину и ушел... Только – зачем приклепнул? И почему именно сюда? Впрочем, сюда – мог и случайно, хотя прямо у входа удобнее..."

Его тронул за рукав Кнорре.

– Скоро начинается уборка, нам надо уйти.

– Уборка?

– Да. Здесь убирают каждые два часа. Так было заведено с первых дней открытия Госпиталя, сначала опасались, что болезнь заразная, потом менять не стали – это никому не мешает. Разве что нам с вами сейчас.

– Запах и влажные стены после уборки?

– Да, от дезраствора. Пойдемте, иначе искупаемся.

И Кнорре заспешил к выходу. Синцов двинулся вслед за ним.

– Где сейчас мина, Михаил Карлович? – спросил Синцов, на ходу еще раз осматривая зал.

– У Логова в домике.

– Логов – сторож?

– Да.

– Вы сообщили, он обнаружил мину сегодня утром...

– Совершенно верно, при обходе.

– Он каждый день обходит здание?

– В общем, да. Но помещений у нас очень много, вы сами видите, не думаю, чтобы он каждый день успевал побывать везде. Обычно он очень тщательно проводит осмотры.

– Вы говорите так, будто не знаете режима работы сторожа. Вы ведь главный врач.

Кнорре едва заметно улыбнулся.

– Видите ли, нас тут двое, и каждый занимается своим делом. Павел Матвеевич не очень любит, когда вмешиваются в его дела...

– Понятно.

Они поднялись на этаж и по тому же гулкому коридору пошли к выходной двери.

– Что за человек Логов? – спросил Синцов.

– Бывший джей-каналыщик. Он участвовал в спасении экспедиции "Плеяд", был пилотом одной из аварийных капсул, – сказал Кнорре и вдруг прямо взглянул на Синцова: – Собственно, что вас интересует? – В голосе его послышалось напряжение.

"Действительно, вопрос сформулирован не слишком удачно", – с досадой подумал Синцов.

– Как Логов оказался в Госпитале? – мягко спросил он.

– Не знаю... – Кнорре отвернулся. – Он попал сюда в первый месяц после организации Госпиталя, я тогда лежал тут, так что не знаю.

– Вы лежали в Госпитале? – удивился Синцов.

– Да... Что вас удивляет? Тогда положили сюда всех, кто побывал на "Плеядах". На всякий случай. Да и, по правде, мы, здоровые, мало чем отличались от больных, все-таки неделя в одном корабле. Нам не сразу разрешили посадку...

– Я помню... Скажите, зачем Логов пошел сюда работать?

– Не знаю... – безразлично ответил Кнорре. – Мы не говорили об этом.

Они подошли к выходной двери, и Кнорре проделал перед ней те же манипуляции, что и при входе. Он поочередно приложил обе ладони к пластине слева от двери, затем отчетливо произнес свою фамилию в отверстие, образовавшееся справа от пластины. Синцов внимательно наблюдал за всеми его действиями.

"Замок закодирован, видимо, еще на Логова. Больше не на кого", – успел подумать он и в ту же минуту ослеп от света, нестерпимо яркого после полумрака коридора. Он, не глядя, кожей уловив движение Кнорре, шагнул за порог и после того, как дверь со стуком задвинулась за его спиной, еще несколько секунд стоял, зажмурившись, пока глаза не привыкли к свету, затем открыл их.

Госпиталь был освещен вывалившимся из-под гряды туч закатным солнцем, серые стены его порозовели, окна светились алым. В густой тени ограды, окружавшей здание, в проводочных заграждениях копошились под командой старшины Гостюжева техники, прилетевшие вместе с Синцовым из Управления.

– Вы хотите поговорить с Логовым? – спросил, тронув Синцова за рукав, Кнорре.

– Да, конечно...

– Я провожу вас.

– Очень хорошо.

Они направились к воротам.

– Посетителей проводили в здание вы? – спросил Синцов.

– Да. Обычно я.

– И во время посещений вы находитесь в здании?

– Не всегда. Я понимаю, о чем вы спрашиваете. Иногда я уходил во время свиданий.

– А вчера? Когда приезжал... Йодко?

– Я уходил. Вы что, думаете?..

– Я пока ничего не думаю, Михаил Карлович. Информации слишком мало, я просто сужаю себе, насколько это возможно, диапазон поиска... Долго делятся свидания?

– По-разному, в зависимости от самочувствия больных. Как правило, от двадцати минут до получаса.

"За двадцать минут можно успеть, – подумал Синцов. – Теперь план Госпиталя может запросить кто угодно. За двадцать минут ничего не стоит спуститься в подвал, прищелкнуть мину и вернуться. Тем более что никому и в голову не придет постоянно следить за этим. Впрочем, Логов-то обходит здание..."

Возле ворот Синцов остановился.

– Прошу прощения, Михаил Карлович, совсем забыл. Мне нужно переговорить с техниками. Если не возражаете, я вас догоню.

– Как угодно.

Подождав, пока Кнорре выйдет за ворота, Синцов подошел к забору. Навстречу ему, чертыхаясь и кляня "путанку", выбирался из заграждений Гостюжев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.